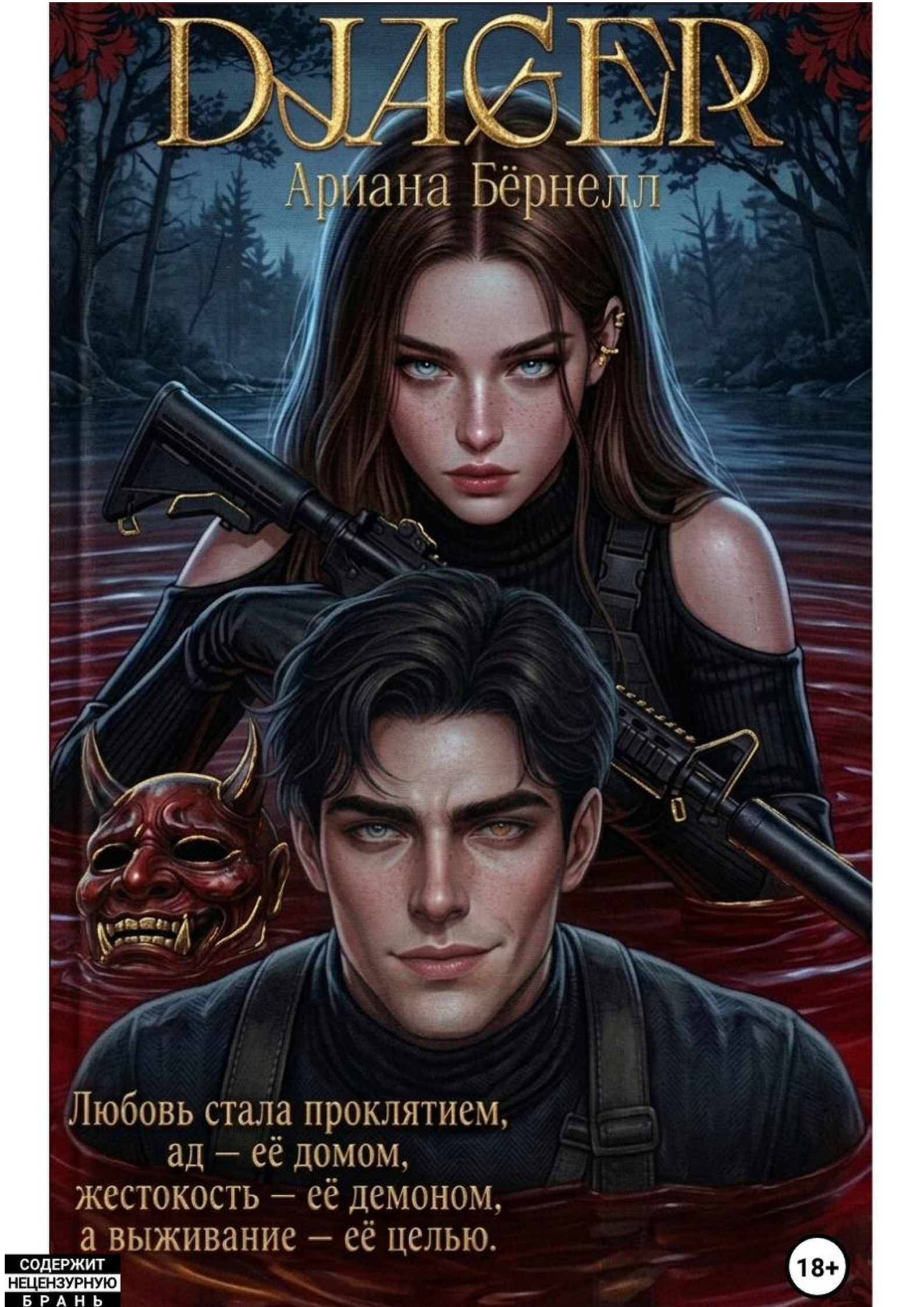

DAJGER

Ариана Бёрнелл

Любовь стала проклятием,
ад — её домом,
жестокость — её демоном,
а выживание — её целью.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ариана Бёрнелл

DJAGER

«Автор»

2026

Бёрнелл А.

DJAGER / А. Бёрнелл — «Автор», 2026

Никогда не желайте изменить свою жизнь. Иначе однажды вы проснётесь в аду. В 19 лет я потеряла родителей. Меня похитила организация «Джагер» — секта, которая создаёт идеальных убийц для теневого правительства. Три года в лагере смерти. Три года боли, крови и потерь. Я навсегда лишилась доверия, друзей, человечности — и самой себя. Но в этом аду я нашла его. Того, кто должен был быть моим палачом, но стал чем-то большим. Любовь, которая не должна была случиться. Которая не спасла — но заставила дышать. И потерять которую было страшнее, чем потерять себя. Я выжила. И теперь я расскажу вам, как это было.

© Бёрнелл А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	27
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	44
Глава 12	51

Ариана Бёрнелл

DJAGER

Глава 1

СПИСОК ТРИГГЕРОВ (ВНИМАНИЕ: ВОЗМОЖНЫ СПОЙЛЕРЫ!)

Прежде чем продолжить, знай: этот роман - не история о спасении. Он о том, как любовь, власть и насилие переплетаются в удушающий узел. Читательское согласие здесь важнее, чем желание узнать, «что дальше». Пожалуйста, береги себя.

1. Физическое и психологическое насилие

- Убийства (включая убийства несовершеннолетних и публичные казни)
- пытки (медицинские эксперименты - в духе нацистской программы)
- Расчленение, ампутация
- Принудительные медицинские процедуры
- Кровь, раны, ожоги
- Нанесение увечий

2. Сексуальное насилие и принуждение

- Сцены с сомнительным/отсутствующим согласием («дубль-консент» - формально согласие есть, но в условиях тотальной власти)
- Секс без явного согласия, балансирующий на грани изнасилования
- Изнасилование
- Принудительная нагота, унижение, медицинский осмотр с вторжением в тело
- Использование сексуальности как инструмента власти и наказания

3. Специфические практики и фетиши

- Бладплей (игры с кровью, ножом, опасными предметами)
- Ниддплей (игры с иглами)
- Связывание, обездвиживание, удушение
- Снотворная игра (сомнофилия - сцена без сознания одного из участников)
- Использование оружия и орудий пыток в сексуальном контексте
- Унижение как форма близости

4. Запретные и деструктивные отношения

- Отношения «палач - жертва», «надзиратель - подопытная»
- Стокгольмский синдром как сюжетная ось
- Любовь через насилие, принуждение, страх
- Высокий контроль, изоляция, stalking
- Эмоциональные качели, газлайтинг, чередование жестокости и «заботы»

5. Психические расстройства и девиации

- ПТСР, панические атаки
- Диссоциативные состояния, галлюцинации
- Селфхарм (нанесение себе ран, членовредительство)
- Суицидальные мысли и попытки
- Садизм, мазохизм, нарциссическое расстройство с садистскими наклонностями
- Раздвоение личности

6. Жестокость по отношению к уязвимым группам

- Насилие над несовершеннолетними (похищение, пытки, убийства)

- Домашнее насилие
- Буллинг
- Пренебрежение потребностями ребёнка, эмоциональное и физическое насилие в семье

7. Социально-криминальные темы

- Торговля людьми (взрослыми и детьми)
- Преступления на почве ненависти и контроля
- Коррупция, сращивание власти и криминала
- Секта/организация с ритуалами, масками, иерархией и безнаказанностью
- Использование служебного положения для унижения и насилия

8. Сексуальные сцены

- Сцены от первого лица с подробными описаниями физиологии
- Смещение боли и удовольствия, унижения и нежности
- Эротические сцены с элементами БДСМ

9. Тяжелые детали

- Смерть домашних животных
- Чучела животных, таксидермия, в том числе детёнышей
- Насилие над беременными и женщинами
- Публичное унижение, вуайеризм, слежка

ВНИМАНИЕ: Эта книга содержит сцены, которые могут вызвать у вас сильную эмоциональную реакцию, спровоцировать приступ тревоги, паники или ретравматизацию. Автор не романтизирует насилие, но показывает его как часть мира, в котором оказались персонажи. Если вы не уверены, что готовы к такому содержанию - лучше отложите книгу. Если вы остаётесь - помните, что вы всегда можете остановиться. Ваше благополучие важнее любой истории.

Ну а любителям Dark Romance - добро пожаловать! Мне есть чем вас удивить.

Ссылка на канал: https://t.me/djager_book

Буду рада Вас видеть!

***

Разве мы не слышим ещё шума могильщиков, погребаяющих Бога? Разве не доносится до нас запах божественного тления? - и Боги истлевают! Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц! Самое святое и могущественное Существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ножами - кто смочит с нас эту кровь?

Фридрих Ницше "Веселая наука"

«...» - Мысли героев.

"..." - Цитаты, названия.

*** - Начало нового эпизода.

Посвящается всем тем, кто вдохновляет,

поддерживает и верит в меня.

Эта книга посвящается всем тем моментам, когда жизнь бросала мне вызовы. Каждое препятствие сделало меня сильнее, каждый урок научил меня ценить самое важное.

Трудности формируют нас, помогают увидеть, что из какой бы то ни было ситуации можно найти выход.

Я благодарна за каждую пройденную в жизни тропу, за все уроки, которые принесли мне не только страдания, но и важные открытия о себе и окружающем мире.

Пусть эта книга станет напоминанием о том, что любая преграда - это лишь временное явление, и с любовью, настойчивостью и верой мы можем преодолеть всё.

Приношу благодарность тем, кто присоединился к этому путешествию.

Глава 1

2008 год.

Я - Эмма Ларсен, мне 22 года, и я потомственный криминальный психолог... Точнее, могла им быть, если бы не происшествие трехлетней давности.

Мои родители: Генрих и Эмилия, познакомились в камере предварительного заключения при опросе нового поступившего безумца. Обоих намеренно поставили работать в паре, ведь случай был запущенный. Однако их методы и характеры значительно отличались. Все началось с ненависти, некой гонки в выдвижении диагноза, странные игры, но все же... Они были профессионалами своего дела. Приезжие из разных штатов, их объединило здание психиатрической лечебницы и даже один этаж комнат. Оба заслужили свою популярность, работали со специальными службами и ФБР. У отца была очень редкая способность - он понимал убийц и психов, был консультантом на местах преступлений и ясно, словно все происходит прямо перед ним, видел, как действовал маньяк. Мама же была генератором безумных идей, она использовала интенсивную терапию и владела гипнозом, это позволяло пробираться в самую глубь сознания пациента, который, сам того не осознавая, блокировал свои воспоминания из-за пережитого страха или заменял их ложными.

Так их частое сотрудничество привело к осознанию значимости и признанию заслуг друг друга, к взаимному уважению. А чуть позже ненависть превратилась в страсть и любовь. Их тандем был грандиозен, следствия раскрывались общим упорством очень быстро, но это не продлилось долго...

Не знаю почему (хотя уже знаю), ведь это являлось табу в нашей семье, но что-то произошло между следственными органами, приближенными и друзьями, которым они доверяли. Под гнетом некоего скандала родители оставили профессию.

Успев заработать большое количество денег, отец купил особняк, окруженный лесом, где они с мамой и поселились, а после родилась и я.

Эмма - в переводе "Верная", верная в первую очередь своим родителям и их идеям.

Я воспитывалась обособленно от ровесников, вдали от города. Мной часто овладевала скука из-за одинакового пейзажа и запрета на возможности самореализации. Но власть в депрессию мне не давала мама, она сама взялась за мое воспитание и обучение. Я росла полиглотом, с серьезными знаниями точных наук и стратегическим мышлением. В младших классах я изучала дома уроки по искусству быть провайдером, психологию эмоций и манипуляций. Родители вкладывали в меня все нажитые знания, так что я была гораздо умнее своих одноклассников (хоть об этом и не знала).

Отец учил меня охоте и ведению хозяйства. Мы жили в поясе субарктического климата, и для отопления, столь большого по площади дома, часто ходили в лес за дровами. Чистый воздух, экологические продукты и частые физические нагрузки сделали меня здоровой и силь-

ной девочкой. Бывало, когда отец рубил дрова, я стояла начеку с ружьем, благодаря наблюдению и слежке за обстановкой и потенциальной угрозой, у меня выработались острый слух и зрение. Пару раз выпадал шанс стрелять в нападавшего хищника - непередаваемые эмоции, словно время остановилось, и ты здесь сам Бог... Папа также научил меня разделывать мясо, я умела освежевать любую тушку и, соответственно, хорошо стреляла. Конечно, не все было так гладко, иногда отец спасал меня от опасности, когда я слишком долго не стреляла в надвигающегося зверя.

И все же я признательна родителям за всё: за то, что сделали меня такой, за все трудности и обиды я прощаю их. И искренне говорю, что люблю.

Правда нашей идиллии суждено было оборваться, родители нажили слишком много врагов...

2005 год.

В одно морозное утро я, девочка 19 лет, проснулась раньше обычного. Вчера у мамы с папой была годовщина свадьбы, они выпивали, поэтому, спустившись на первый этаж, я застала мирно спящую влюбленную пару.

Решив порадовать их при пробуждении, начала заваривать кофе и делать омлет с ветчиной. Пока еда шкворчала на плите, я как обычно смотрела на сугробы и лес на горизонте. Все было неизменно изо дня в день, картину отличал лишь протоптанный в разных местах грязный снег.

«Все одинаково, и так будет всегда», - со скучающим видом подумала я в тот момент, когда возле кромки леса что-то зашевелилось, далеко, но сумевшее привлечь мое внимание.

Из-за деревьев вышел человек, одетый в охотничью экипировку с ружьем наперевес. Его ботинки грозно утопали в снегу, засасывая ноги словно зыбучие пески. Но он рьяно продолжал шагать по направлению к нашему дому. И все бы ничего, мало ли заплутавших любителей адреналина в лесу? Но то, как он смотрел, как угрожающе шел, постепенно ускоряясь, наводило на дурные мысли...

По мере его приближения я смогла детально рассмотреть его одежду и самого незнакомца (сомнений не было - это был мужчина): черная водолазка и брюки, армейские тяжелые ботинки, поверх камуфляжная куртка нараспашку, из-под которой виднелась вздымающаяся грудь, вся опоясанная кожаными ремнями (португепями) с ножами, - нестандартный облик для простого охотника.

Но страшнее всего лицо незнакомца, а точнее его отсутствие благодаря скрывающей маске, которая представляла собой страшное гротескное лицо Ёкая - японского демона Они, мстительного духа, с клыками, рогами и узкими глазами, смотрящими прямо тебе в душу.

Я застыла на месте, не находя сил оторваться от этого человека. Теперь я понимала, что чувствовали жертвы, я сама сейчас была ослепленным от фар мчащейся машины оленем. Как же страшна угроза смерти и как же маняща эта неизвестность.

Из раздумий меня вывел вовсю кипевший чайник со свистком, впрочем, я не стала его выключать - надеялась, что его пронзительный писк, напоминавший тревогу, разбудит родителей. Сама же эгоистично, путаясь в собственных ногах, начала искать укрытие, отбегая как можно дальше от больших панорамных окон террасы.

Я думала, что отец сможет защитить мать, надеялась, ведь это он обучал меня самообороне, а значит я не могла быть опытней и сильнее его, единственным моим преимуществом была лишь детская прыть, способность спрятаться где угодно и затаиться.

Как же я ошибалась тогда, не разбудив родителей...

Я укрылась в кладовке, которая была замаскирована, ведь находилась в пространстве между лестницами и была незаметна. Единственным источником света мне служила щель

маленькой замочной скважины. Сквозь нее я и смотрела на то, как незнакомец пропал из поля зрения, но четко услышала щелчок открывающейся двери. Он был внутри.

Уверенный, непоколебимый - Ёкай шел по направлению к спальне родителей, его увесистые шаги раздавались по всему коттеджу. Я ничего не могла сделать, просто стояла и наблюдала.

В какой-то момент шаги стихли так и не достигнув порога. Я тут же припала к скважине и увидела невероятно странную картину: из спальни вальяжной походкой вышла наша кошка Альма, потянувшись у дверей она стала ластиться у ног незнакомца, делая восьмерку между его ног.

Альма - в переводе душа, была кошкой избирательной, не любила незнакомцев, чувствовала угрозу, исходящую от людей, их злобу, а потому была нелюдиминой и преданной только нашей семье.

То, как она приняла этого охотника, было нелогичным. Но больше всего меня поразило и навсегда запомнилось, как он, отодвинув ружье, склонился к кошке, коротко, но нежно поглажив ее вдоль спины и до самого хвоста, а потом взял на руки, оторвав мягкие лапки от пола, чтобы перенести ее в сторону, устроил ее на близстоящее кресло. И только после этого продолжил свой путь.

Дверь в спальню закрылась, и раздалась пара приглушенных выстрелов с глушителем. Точные, четкие, с минимальными очередями, в упор. Все звуки стихли, лишь в моих ушах все продолжало звенеть, а голова кружится. Такой контраст между поглаживанием и заботой о животном и хладнокровным убийством людей не укладывался в голове.

Мои родители были мертвы, это я знала точно. Холодный рассудок не отвергал восприятие этого факта и единственное, что мне оставалось, - это выжить самой.

Свист чайника не прекращался, казалось, что он вот-вот взорвется и зальет кипятком всю плиту. Не обращая на него внимания, я не отрывала взгляда от скважины. Шоковое состояние притупило слух, лишив меня осознания того, что я часто и громко дышу. Этим я и выдала себя.

Ко мне приблизился убийца. Опустившись на колени из-за своего роста, он тоже уставился на скважину в ответ. Наконец я смогла рассмотреть его глаз, все еще искусственно сощуренный маской. Я едва различила его цвет - серый, словно лишенный оттенка вовсе, с расширенным зрачком от адреналина и красноватыми капиллярами по краям.

Когда наши взгляды встретились, я ощутила тот же ступор, что и от момента с Альмой. А дело было в том, что я не чувствовала от него угрозы. Он смотрел на меня изучающе, в какой-то момент я даже уловила сочувствие, которое никак не могла соотнести с совершенным убийством.

Секундная задержка, и диалог взглядов закончился - незнакомец, распахнув дверь каморки, выволок меня за ногу в общий коридор. Вторая нога была свободной. Я попыталась сопротивляться. Попала ему между ног. И даже услышала сдавленный стон боли, видимо маска приглушала голос. К сожалению, мои попытки были смехотворными и напрасными. После удара он даже не шелохнулся, им не овладела злоба. Он представлял собой эталон самообладания. Единственное, что сделал, так это перевернул меня, подтянув к себе, и заткнул нос и рот тряпкой, пропитанной хлороформом.

Мое сознание помутилось, пропала боль от стиснутых конечностей и страх. Я даже начала принимать свою судьбу - пойти вслед за родителями... И пока я полностью не потеряла сознание, мне послышался мужской голос...

- Прости...

И я провалилась во тьму.

Глава 2

Глава 2

Сквозь дрему я ощущала мерное звучание двигателя, которое после сменилось тряской из-за въезда на грунтовую дорогу. А еще - проникающий ветер, обдающий холодом. Меня везли в кузове? И какой-то странный звук, который никак не удавалось распознать : капающая вода или плач?

Мой рот был заткнут кляпом, и единственное, что я могла, - это слушать. А после того как я очнулась и с моей головы сняли мешок, я смогла видеть.

Передо мной возвышались двое человек, чьи лица тоже были скрыты масками, как, впрочем, и всех находящихся в помещении. Только вот их маски разительно отличались от остальных: более реалистичные, поражающие своим сходством и качеством. Маски представляли человеческие черепа без глазниц, с впадиной на месте носа и выставленными на показ рядами ровных мелких зубов. Глаз людей под черепом видно не было, их скрывала натянутая черная сетчатая ткань, действующая по типу тонировки машины - ты всех видишь, а тебя за окном - нет. В черепах я узнала женщину и мужчину, их выдавали короны, надетые на скальп, - король и королева этого Ада. Они не разговаривали, лишь давали указания взмахами рук и на мое удивление их безмолвно понимали. Одеты они были в красные плащи из тяжелой ткани с накиннутым капюшоном. Так же выглядели и их "слуги", только плащи были беспрочно-черные, а маски - стерильно-белоснежные, с прорезями для глаз и вечно улыбающимся ртом. Все здесь были обезличены, от каждого исходила насмешка, кроме...

Я только сейчас заметила пристальный взгляд, прикованный ко мне - Ёкай. Он стоял по правую руку от королевы и не сводил с меня глаз. Я поняла это потому, как его голова отклонялась тогда, когда я меняла положение, сидя на коленях на полу. А вот те серые глаза что я видела сквозь скважину в доме оказались тоже закрыты тканью маски.

Прожигая его своей ненавистью, я еле сдерживала слезы, что помешали мне заметить, как королева положила свою ладонь в перчатке на его плечо. Ёкай получил приказ и заговорил со мной, однако голос был другим - измененным маской:

- Позволь тебе представить, это, - он указал рукой, - "Вершители судеб, они преследуют высшую цель, и мы все попытаемся реализовать ее в тебе и в твоих сверстниках. - Его фраза вызвала недоумение, и я обернулась. Сзади сидели другие связанные ребята. Почему-то им так и не соизволили открыть лица, но и это не мешало видеть, как намокает ткань от их слез. - Мы организация Джагер.

«Джагер, созвучное с Jægere - охотники с Датского» - сразу перевела я.

- Вы выбраны для участия в проекте «Сверхчеловек». Мы великодушно лишили вас всего того, что могло бы помешать вашему становлению. - Уверена, он говорит о наших семьях.

«"Великодушно лишили"? Да как этот ублюдок смеет говорить об этом так...так...» - Мне даже не хватает слов чтобы описать свою злость. Я слишком сильно стискиваю челюсти; кажется, еще немного, и раскрошу жевательные зубы.

Стоит пару раз подергать руки, перетянутые стяжкой, - на место злости приходит обреченность.

«Никто не будет меня искать. По линии отца в живых никого не осталось, а мама оборвала все связи с родственниками из-за разногласий. Они вообще знают о моем существовании?»

Думаю, похожие ситуации и у других ребят, а может, и хуже...»

- К каждому из вас будет приставлен "Наблюдатель", он будет вашим наставником и палачом. - Завершил введение в курс организации этот монстр.

Король подозвал Ёкая, тот склонился к нему, раздался шёпот. Затем, Ёкай вновь обратился ко мне:

- Вершитель сказал, что возлагает на тебя большие надежды. Проявленная смелость и попытка дать мне отпор заинтересовали его. - Я лично буду твоим Наблюдателем. - Мне показалось, что он сказал это с издевкой.

«Хочу плюнуть в эту поганую морду... Стоп. Получается, другие дети не сопротивлялись. Они настолько убиты горем что и сейчас не предпринимают попыток. Их любимые безвозвратно мертвы. Уверена кто-то из них даже сходил под себя, а то я чувствую запах мочи. И мне кажется, или здесь, кроме меня, девушек нет?...»

По одновременному кивку Вершителей судеб люди в масках принялись расходиться, выбирая себе ребенка, за которого будут отвечать.

Мне, конечно, достался обещанный Ёкай. Схватив меня за локоть, он одним резким рывком поставил меня на ноги. Но в сравнении с другими, трогал менее болезненно.

«Наверное, из-за моей надобности Королю и Королеве.»

Предстояло понять - такое внимание на руку или нет?

Глава 3

Глава 3

Меня вели по узкому коридору. Плитка на полу была большой, гладкой и белой. Потом стало понятно, что белое здесь всё: и стены, обитые глянцевой непромокаемой тканью, как в психушке, и потолок.

Проходя дальше, я заметила на стене впереди табличку. Ёкай заставлял идти быстро, но я продолжала рассматривать её, даже удаляясь и поворачивая голову, и наконец смогла полностью прочесть надписи. В них я узнала бывшую психиатрическую клинику родителей — место, где произошло то, что вынудило их бросить работу.

В моей голове стали проноситься разнообразные мысли, одна теория сменяла другую:

«Может, всё это безумие — проект "Сверхчеловек" — было начато при родителях, и в связи с их несогласием с проведением данных экспериментов они ушли ... А клиника с этой навязчивой идеей превратилась в секту ... Это бы объясняло такое отношение ко мне Вершителей судеб, моё явное выделение из толпы других ребят: я дочь тех, кто отказался быть участниками, и сейчас я — их кровь и плоть — принудительно стала как раз-таки объектом исследования...»

Тишину размышлений прервал мой Надзиратель: — Понимаю, как ты меня ненавидишь и какими нелестными словами называешь у себя в голове, но впредь обращайся ко мне: Хельвед.

— Имя, означающее Ад, не сильно лучше того, о чём я думала, но оно тебе подходит, — огрызнулась я.

Мне показалось, что он удивился моей дерзости, но маска оставалась непроницаемой.

— И ещё кое-что ты должна знать: помимо известного тебе обстоятельства...

— Ты про смерть отца и матери? — влезла я.

— ...твой дом сгорел дотла. Газовая плита оставалась включённой, когда ты боролась со мной, еда давно пригорела, и началось возгорание. Полиция осмотрела вашу «хижину в лесу», но тел не обнаружила.

— Конечно, это ведь Джагер постарался.

Он промолчал.

«От моих родителей ничего не осталось... Я и не надеялась побывать на похоронах, ведь я пленница ... Однако то, что я не видела их в момент смерти и никогда не увижу после, опустошает. Всяко было бы лучше, будь они в цинковом гробу, а не пропавшими без вести или превратившимися в пепел.»

У меня есть привычка, сильно отличающая меня от других (иногда из-за неё меня называли жестокой, я же говорю про себя — хладнокровная), — быстро отпускать прожитое. Я не задумывалась о совершённых поступках, ведь их не вернуть и не исправить, не беспокоилась об ошибках, не обращала внимания на мнение людей и не скорбела о смерти. Мне не было наплевать, нет, но все стадии осознания приходили ко мне сразу, и я не проливала ненужных слёз. Я, как и все люди, приспособливалась к новым условиям жизни — без чего-то или кого-то.

С детства я была предоставлена самой себе, и одиночество сыграло значительную роль. Моими друзьями стали книги — настолько серьёзного содержания и полные такого философствования, что значения некоторых слов в разговоре не знали даже взрослые. Да, я по-прежнему зависела от родителей и училась у них, но при этом имела свою точку зрения, хоть и невысказанную.

Я бы всё отдала, чтобы и дальше так жить! Ну почему мы начинаем ценить лишь тогда, когда теряем?

Глава 4

Глава 3

Дверь за мной с грохотом захлопнулась. Сквозь маленькое бронированное стекло я увидела Хельведа: он приложил указательный палец к компьютеру-сканеру у двери, и раздался щелчок замка.

«Так у них тут персональная блокировка с распознаванием отпечатков. Сколько же такая стоит и откуда у них эти деньги?»

Хельвед успел уйти, и я упустила, в какую сторону он направился.

«Не мешало бы ориентироваться в коридорах».

С его уходом я поняла, что в комнате-камере оказалась не одна. Маленький девичий силуэт едва проглядывался в приглушённом свете прикроватной лампы.

Тихий голосок заговорил: — Привет, я твоя соседка по комнате. Меня зовут Бетина, можешь звать просто Бети. Я здесь уже несколько минут, так что первая выбрала кровать, хотя они и не отличаются...

Она произносила слова быстро — видимо, переживала, поэтому тараторила, и что-то было даже неразличимо.

Я перебила её: — Эмма, — сухо представилась я, подошла ближе и протянула руку.

Она порывисто пожала её, вскочив на ноги. Это была хрупкая рыжеволосая девушка с кудряшками, бледной кожей, серыми глазами и веснушками. Одетая она была в белый костюм из хлопковой ткани с кучей ремешков для быстрого обездвиживания. Поняв, что я подолгу её разглядываю, она кивнула в сторону свободной кровати.

— Тебе тоже следует переодеться, скоро придут забрать твою старую одежду.

И впрямь, на застеленной постели лежала стопка чистой одежды.

Вздохнув от бессилия, я сняла с себя вещи — единственное воспоминание о доме и прежней жизни. И с напускным безразличием кинула их на пол. Сев на свою кровать, принялась оглядывать помещение: голые стены с мягкой обивкой у изголовья (чтобы не мёрзнуть), кафельный пол, железные кровати, прикрученные к полу, непромокаемый матрас, плоская подушка и тонкое одеяло. Чуть поодаль от входной двери виднелась комнатка метр на метр с унитазом без сидухи, но без раковины и двери.

«Как в больнице», — подумала я, вспомнив единственную в своей жизни операцию, после которой отходила месяц в палате с пятью женщинами преклонного возраста. Это был единственный раз, когда я спала в одном помещении со столькими людьми. К моему удивлению, несмотря на разницу в возрасте, мы сходились во мнениях. Я и не припомню, чтобы так много разговаривала с кем-то, кроме семьи... Да и вообще ночевала вне дома.

Помимо кроватей, в комнате была одна тумбочка на двоих с разделёнными ящиками внутри. Открыв свой шкафчик, я обнаружила туалетную бумагу, деревянную зубную щётку, зубной порошок, маленькое полотенце и кусок мыла.

«Раковины нет, а принадлежности есть. Весело».

Как раз в момент моей «экскурсии» дверь запищала и открылась. Через порог переступил человек в белой маске Тэнгу.

(Стоит пояснить, кто это такие и откуда я это знаю. Тэнгу — демоническое существо из японской мифологии, напоминающее антропоморфное создание с неприятной улыбкой и слишком длинным носом. Они символизируют двойственность природы и хаос. А о мифологии Древней Греции, Египта и Японии я знаю всё вдоль и поперёк из книг, доставшихся от покойной бабушки со стороны отца — мне перешла её библиотека.)

По-хозяйски пройдя вперёд и остановившись прямо передо мной, он наклонился, чтобы подобрать вещи. Увидев его, Бети замерла и, кажется, перестала дышать.

— Вижу, вы уже познакомились. Привыкайте друг к другу, вам вместе быть ещё очень долго... — Он засмеялся. Голос его был ужасно изменён: низкий, неживой, а смех вышел просто дьявольским.

Бети содрогнулась. Его фраза меня очень напрягла. Я сжала покрывало и процедила сквозь зубы: — Сколько... Сколько нас здесь будут держать?

— Целых три года кругов Ада, но всё во благо — если, конечно, вы выживете, — и он залился новым припадком смеха.

«Какой же мерзкий».

Мне стало дурно после озвучивания срока. Переводя дыхание, я спросила: — А что будет с нами спустя три года?

— Рано задавать такие вопросы, — резко ответил он, после чего отчеканил заученную фразу и ушёл: — Душ раз в три дня под наблюдением сопровождающего, можно и чаще, если испачкаетесь кровью после испытаний. Приём пищи три раза в день. Отбой в десять часов с полным отключением света. В коридорах ведётся видеонаблюдение, решётки в коридоре под напряжением. Наказание — в случае нарушения порядка. Приход персонала, уколы и капельницы — по указанию врача или с помощью кнопки вызова. Проверка помещения на посторонние предметы, замена белья и подъём в шесть утра.

Из всего его монолога мне больше всего не понравились два слова: «кровь» и «испытания».

«Вот это я попала».

Глава 5

Глава 5

Всю ночь Бети вздрагивала, а засыпая, плакала, но я не решалась её утешать. Для себя я решила, что наши слёзы — личное дело каждого. Естественно, я понимала её горести, все мы здесь были равны в своей потере. И никакими словами поддержки тут не помочь. Ближе к середине ночи она устала и заснула беспокойным сном; лишь пару раз я вставала укрыть её дрожащее тело сползшим тонким одеялом. Сама же всю ночь не смыкала глаз.

Просвет от зазора двери моё сознание превращало в языки пламени, комнату — в ловушку, а меня — в бессменную пленницу, которая в любой момент может отправиться вслед за родителями. Я даже не понимала, что заставляет меня хотеть жить... Но умирать было страшно. Как маленькая, я обнимала себя за ноги, сидя на кровати. И за всю ночь проронила лишь скупую одинокую слезу, наполненную всеобъемлющей печалью...

Как и было обещано, ранним утром за нами пришли. Разбудил шум за дверью. Бети подскочила на кровати, а я подняла голову с затёкшей шеей и невидящим взглядом.

В комнату вошли двое. Первый, с неспешной поступью и прямой спиной, — всё в нём говорило о его значимости в проекте и величии перед нами. Движения его рук были плавными, как ветер, и сопровождалась шорохом ткани атласной накидки, а голос приводил в чувство, как ледяная вода, — невероятный контраст. Это и был Хельвед. Второй — в маске демона Тэнгу, тот самый, что вчера забирал у меня вещи; оказалось, его приставили к Бети.

Даже не знаю, кто из них хуже. Хельвед был немногословным, но жестоким. Он напоминал цепного пса: выполнял всё, что ему говорили, но всё ещё считался диким, а потому было непонятно, что он сделает в следующую секунду — приведёт в исполнение зловещий приказ или извратит его своим большим мозгом. Тэнгу же был двуличным, сочетал в себе мерзкого и жалкого человека. Проявлялось это в его лебезении перед высшими и пренебрежении к низшим — то есть к нам.

Они прошли в комнату, держа в руках небольшие коробки. Можно было только догадываться, что в них находилось... Хельвед подошёл ко мне и положил коробку на кровать рядом, затем отошёл на некоторое расстояние, насколько позволяло помещение. Конечно, я не горела желанием прикасаться к ней, а тем более узнавать, что там, поэтому демонстративно отодвинулась от предмета подальше.

— Открывай, — раздался его рокочущий голос.

Наклонившись так, чтобы из-за спины надзирателя разглядеть соседку, я увидела, что Бети уже открыла свою коробку. Она кивнула мне, и я под гнётом пустых глаз маски демона сдалась. В коробке оказался очень странный набор: сверху лежали пара обуви и носки, а под ними я обнаружила резинку для волос, платок, бинты, спирт, йод и заживляющий крем.

— Это чтобы мне было чем утереть свои слёзы? — словно яд выплюнула я Хельведу, размахивая перед ним платком, как красной тряпкой перед быком.

«Мне твои подачки не нужны».

Бессонная ночь давала о себе знать: чувство страха притупилось, сменившись внезапной вспышкой агрессии. Очень хотелось задеть своего Надзирателя, причинить ему хоть малую долю той боли, что причинил он мне.

Хельвед угрожающе шагнул вперёд.

— Именно для этого. Будь благодарной, особенно за медикаменты. Я лично запрашивал на них разрешение, предугадывая твою безрассудность, которую ты демонстрируешь сейчас, и дальнейшие раны. Поэтому закрой свой рот, обувайся — и на выход.

Я проглотила ком в горле. Бети заторопилась, чтобы не попасть под удар, а стоявший рядом Тэнгу ухмыльнулся: его явно забавляла ситуация.

Высокие армейские ботинки со шнуровкой идеально подошли.

«Вероятно, они узнали размер по забранной одежде и обуви», — успокаивала я себя, а сама гадала, что они могли делать, пока мы находились без сознания... Тем не менее вся одежда сидела как влитая. На мне был белый комбинезон из плотной ткани с кучей ремешков по всему телу, чтобы в случае чего они могли связать руки и ноги. Свои длинные русые волосы я собрала в тугий пучок резинкой Хельведа.

Вышедшие до этого в коридор мужчины отсчитывали минуты на сборы, а затем взяли нас под локти и вывели наружу. На этот раз Ёкай сжимал руку крепко — видимо, всё ещё злился на мои слова. По мере продвижения по лабиринту здания перед нами открывались всё новые и новые двери, из которых выводили других ребят. Все двигались чётким строем, в ногу с Палачами. Все они выглядели одинаково, за исключением Хельведа: его маска была ярко-алого цвета, напоминающего кровь, тогда как у остальных — белые, лишь изредка отличающиеся формой, как у Тэнгу. От осознания его исключительности среди остальных мурашки бежали по коже.

«В таком месте могут выделить только самых больных ублюдков».

С сокамерницей нас завели первыми. Мы оказались в ярко освещённом пространстве. Комната была большой, с одним французским окном. Естественно, на нём стояли решётки, но они нисколько не мешали насладиться видом на зимний лес и уходящую вдаль тропку. Это напомнило мне о доме, и на душе стало тяжело. Радость от вида солнечных лучей сменилась саднящей болью.

«Интересно, как далеко от дома я нахожусь?»

Хельвед провёл меня к стулу около огромного прямоугольного железного стола с прикрученными к полу ножками и гладкой поверхностью. На нём лежали стопки бумаг и карандаши. Всех одновременно усадили за предоставленные места. Подумав наперёд и во избежание моего протеста, Хельвед надавил мне на плечи, пригвоздив к месту. За этот жест я смерила его тяжёлым взглядом, но он оставался непроницаемым. Так и не убрав ладони в кожаных перчатках, он начал объяснения:

— Итак, ваше первое испытание на способности — это самые обычные тесты: IQ, личностный опросник Айзенка, многофакторный личностный опросник Кеттелла, тест Векслера, матрицы Равена. Похвалу получит тот, кто наберёт наибольшее количество баллов за IQ-тестирование. Однако тот, кто наберёт меньшее количество баллов, будет освобождён... Результаты других исследований передадут на рассмотрение наших специалистов.

Воцарилась тишина. Я в непонимании переглядывалась с Бети, сидящей напротив.

— Что подразумевается под «освобождён»? — прошептала я.

— Скоро ты сама всё увидишь и наконец поймёшь, как нужно себя вести, — наклонившись, тихо сказал Ёкай мне на ухо и отпустил мои плечи. — Приступайте, — Хельвед хлопнул в ладоши, и ребята взяли в дрожащие руки карандаши. Пространство наполнилось шелестом бумаг.

Я была слишком расслаблена на фоне всеобщего напряжения. Дело было в том, что я сама проходила эти тесты очень много раз — таким образом мама проверяла мой прогресс в обучении и развитии. Поэтому я со скучающим видом, подперев голову рукой, как во время обычного урока, выбирала варианты ответов или нужные изображения. Завершив тестирование раньше других, я принялась рассматривать детей вокруг и отметила, что занятие отвлекло их от страхов: их руки больше не тряслись, а взгляд был сосредоточен, хоть и не слишком осознан. Я совершенно не переживала за свои результаты, ведь знала, что точно не глупее сверстников (думаю, мы примерно одного возраста), а может, и взрослых, находящихся здесь.

— Пора сдавать! — рявкнул Ёкай. Все дети подняли руки вверх, показывая, что закончили и больше не прикасаются к работе. Листы забрали, предварительно скрепив. Один из подчиненных унёс их в отдельную комнату для проверки.

Отсутствие часов лишало чувства времени, и мы мучились в ожидании. Я смотрела в окно, когда в комнату внесли результаты. Хельвед покинул свой пост за моей спиной и подошёл к вошедшему. Они шептались о чём-то; демон долго ознакамливался с бумагами, изредка поднимая голову, чтобы взглянуть на нас.

«Он запоминает, кому принадлежат какие баллы...»

Наконец он захлопнул досье и вернулся на своё место.

— По итогам результатов мы готовы объявить одного лучшего и одного счастливого, который нас покинет.

Все Надзиратели сделали шаг вперёд, приблизившись к нам. Я смотрела на испуганную Бети: вцепившись в край железного стола, она до смерти боялась, что её насильно куда-то уташат; её глаза были расширены, а нижняя губа дрожала.

«Бедная девочка, ей здесь не место, как и всем нам...»

Из-за пазухи надзиратели вынули пистолеты. Свободные плащи скрывали оружие, так что мы не имели и намека на его существование. Синхронно поднялись руки под углом девяносто градусов. Дуло упёрлось мне в затылок, как и всем остальным ребятам в комнате.

— Страшно? — тихо произнёс Хельвед.

Я не стала отвечать. Это был не вопрос, а утверждение факта. Побоявшись пошевелиться или дёрнуться, мне пришлось проглотить ответ.

И вновь ожидание. Все отсчитывали прошедшие секунды, и именно тогда, когда никто не ожидал, раздался выстрел... Оглушительный, с яркой вспышкой вылетевшей пули. Запахло порохом, палёной плотью и кровью. Мне на руки брызнула алая густая жидкость. Опустив взгляд, я увидела бланки, которых не замечала до этого: они тоже были испачканы, а в нижнем правом углу расплывалось самое большое пятно, попавшее прямо на мои результаты.

— IQ 146, достойно высокой похвалы для твоего возраста. Ты хороший исходный материал, — раздался голос Ёкая прямо над моим ухом, и я ощутила его горячее дыхание.

Я повернула голову. Сбоку от меня, по правую руку, лицом на стол повалился мальчик. Его пробитый затылок был обращён к соседям, а выходное пулевое отверстие — ко мне. И слово «отверстие» — это ещё мягко сказано: лицо превратилось в месиво, кожа раскрылась, как кожура банана, едва удерживая раздробленные кости и части мозга.

«Пистолет был с экспансивной пулей. Такие боеприпасы легко расширяются в теле жертвы, что увеличивает их поражающую способность. Мы с отцом тоже иногда использовали подобные для охоты и самообороны. Сейчас же эффект от такого выстрела был рассчитан на устрашение. И это сработало».

Бети плакала, закрывая лицо руками, остальных детей мучили пустые рвотные позывы. Каждый понимал, что мог оказаться на его месте.

Взяв себя в руки, я повернулась к Хельведу: — Вот, значит, какое у вас «освобождение»? — я была в ярости.

— Он по-настоящему счастливчик, уж поверь, — избавили мы его от мучений, с которыми вам только предстоит столкнуться, — совершенно спокойным тоном пояснил демон. И это ужасало. Так легко убить ребёнка, который просто не подошёл под какие-то выдуманные критерии.

— Вы все здесь настоящие монстры! — не выдержав, закричала я, и горячие слёзы обожгли щёки. — А маски вам нужны лишь для того, чтобы скрывать прогнившие души. Уверена, под ними вы невероятно уродливы!

— Заткнись, сучка! — кинулся ко мне Тэнгу. Хельвед попытался его остановить, но не успел.

Хлёсткая мужская пощёчина заставила меня слететь со стула, я больно приземлилась на ладони.

— Как ты смеешь, ничтожество?! — зашипел Ёкай на подчинённого. — Ты хоть представляешь, что будет за нанесённые ей раны до начала экспериментов? Этот экземпляр не должен быть бракованным!

— Я не вещь... — тихо прошептала я, утирая слёзы, но разгорячённый мужчина не обращал на меня внимания, отчитывая человека в маске.

Закончив свою тираду, он щёлкнул пальцами, и провинившегося увели прочь. Сам Хельвед резко обернулся ко мне. Стало по-настоящему страшно. И вроде я должна была радоваться своей неприкосновенности, но с другой стороны понимала, что она не вечна и дальше будет только хуже.

Демон схватил меня за локоть и поднял на ноги, но, обессиленная и находящаяся в состоянии шока, я упала обратно на пол.

— Я думал, что пример этого мальчишки покажет тебе явную угрозу, но тебе мало! Пойми ты наконец: всё происходящее реально! Здесь ты не главная героиня любовного романа, у тебя нет запасных шансов вернуть время вспять. Это жизнь! Если не будешь как остальное серое стадо, общество тебя пережует и выплюнет. Всем насрать на твоё мнение, твой голосок для людей свыше — комариный писк, вызывающий лишь раздражение. Пойми это...

Вздыхнув, он устало потёр виски сквозь капюшон. А затем внезапно подхватил меня на руки и понёс через всю комнату под изумлённые взгляды ребят.

— Эмма! — воскликнула Бети: она боялась, что я больше не вернусь. Да я и сама боялась...

— Куда ты меня несёшь?! — негодовала я и даже предприняла попытки бить его кулаками.

— Господи, ну за что ты мне на голову свалилась... — бубнил себе под нос демон.

— А я думала, ты не веришь в Бога.

— Верю, я политеист. Однако верю не в его существование, а в то, что Бог мёртв.

— И как же ты это выяснил?

— Если бы он был жив, то не позволил бы происходить этому... — Он явно не договорил нечто важное, что осталось лишь в мыслях демона. Забывшись, с кем разговаривает, он поспешил сменить тон : — Будь добра, помолчи и перестань меня бить, иначе лишишься рук.

«А ведь это был наш первый самый нормальный разговор. И вместо того, чтобы воспользоваться этим и узнать полезную информацию, я потратила его на тупые вопросы... Какая же я дура».

Глава 6

Глава 6

Ёкай принес меня в помещение, напоминающее комнату отдыха, только пространство вокруг было намного больше. Я отошла, чтобы оглядеться: высокие потолки, белая плитка и на полу, и на стенах — как сплошной Кубик Рубика. Замкнутое пространство давило, но этот дискомфорт был слишком незначительным, чтобы обращать на него внимание. Чуть сбоку стояли кожаный потрепанный диван, стол и узкий шкаф с полками за прозрачным стеклом.

— Раздевайся, — сухо потребовал демон.

— Что?

— Снимай одежду, — чуть более недовольно повторил он.

Всего пара слов. А я ошарашена даже сильнее, чем в момент убийства.

— Ч-что ты имеешь в виду?

— Ты меня прекрасно поняла, не прикидывайся дурой. Мне напомнить твой IQ? Чтoб ты знала, он даже выше, чем у того придурка, который тебя ударил. Мы сами часто проверяемся, здесь не держат глупцов. За все проступки следует наказание.

— И вас тоже расстреливают? — с сомнением спросила я.

Ёкай молчал, но это молчание было красноречивым. Мне даже показалось, что в какой-то момент его передернуло.

— Я ненавижу повторять. Раздевайся по-хорошему, или я сорву с тебя все тряпки.

— Зачем мне раздеваться?

— Взгляни на себя, ты вся в крови.

Я осмотрела себя, и впрямь: кровавые подтеки шли от груди и дальше к бедрам. И только сейчас я поняла, что ткань неприятно липла к коже.

— Это, — демон махнул рукой, — общая постирочная, ванная комната и медпункт. Здесь все участники организации приводят себя в порядок после наблюдений и проведения экспериментов. А там, — он указал на дверь, которую я до этого не замечала, — ванная, в которую ты должна зайти.

Меня мучили сомнения, но желание очиститься победило. Кивнув самой себе, как бы соглашаясь с этим решением, я самостоятельно двинулась по направлению к ванной. Она оказалась совсем маленькой: все та же белая плитка, раковина на стене, железная полка с полотенцами и одинаковыми черными накидками — атрибутами всех участников «Джагер». И, конечно, душевая кабинка в брутальном мужском стиле — из темного железа и со стеклами с матовым напылением.

Зайдя в комнату, я развернулась, чтобы закрыть дверь, но Ёкай подпер ее ногой и зашел следом. Я попятилась, не понимая, что еще ему нужно, и отступила, чтобы увеличить пространство между нами.

— Сам же сказал мне идти мыться. Зачем ты здесь?

— Ты сделаешь это при мне.

— С какой стати? — Я выгнула бровь.

«Мало того, что убивает, так еще и надругается над жертвами...»

— Так сказано в протоколе, — ответил он. — Все Надзиратели следят за поведением наблюдаемого в ванной. Тем более это ванная ученых и экспериментаторов, а не наблюдаемых. Здесь условия лучше, но много предметов, запрещенных вам к использованию, поэтому я не могу оставить тебя одну и не позволю, чтобы тебя со мной здесь увидели. А самое главное — попытки суицида. От безысходности люди разбивали стекло душевой и резали вены, пытались душиить себя железным шлангом от душа, разбивали головы о стены. Один даже попытался проглотить мыло, чтобы задохнуться. Так как большинство наблюдаемых мужского пола,

обычно это не вызывает проблем. Однако вы с сокамерницей — первые девушки в эксперименте. Вершителю явно довольны результатами, твоими так точно, однако это не отменяет того факта, что к женщинам будут относиться по-другому. Меня как лучшего приставили следить за тобой, и, поверь, я совершенно не горю желанием видеть тебя в каком-либо виде. Так что смирись с этим. Я буду здесь находиться, а ты — мыться. Поняла?

— Да...

Я больше не хотела быть упрямой. Родительское воспитание отразилось на мне, сформировав твердый характер и высокую самооценку, но здесь меня подавляли. Я понимала, что мне нужно смириться и выполнять приказы, но это не означало, что я лишусь права голоса или стану беспрекословной шестеренкой. Я просто не стану нарываться на неприятности... Чем-то приходится жертвовать. Судьба и без того лишила меня всего, остается только цепляться за собственную жизнь.

Я утешала себя, когда снимала обувь, расплетала волосы и расстегивала комбинезон. Так хотелось плакать, но я себе запрещала.

«Слезы — это слабость», — говорили родители. И я сдерживала порывы разреветься.

«Вода смывает мои слезы, и он этого не заметит...»

— Чего ты медлишь? — разъяренно проговорил Ёкай.

— Молния... — проскулила я.

«Долбаная застрявшая молния как насмешка напоминала натянутую нить моих нервов».

К моему удивлению, демон тут же сменил тон. Он нагнулся ко мне и развернул к себе спиной. Движения уверенные, касания короткие, но заставляющие меня задерживать дыхание. После нескольких рывков запутавшиеся нити вышли из-под ползунка, и молния поехала вниз.

— Дальше я сама, — забеспокоившись, я остановила его руку, но он только сжал мои пальцы и, проигнорировав слова, продолжил спуск застежки до начала моих ягодичек.

Я остолбенела, а он, подцепив мой лифчик, ловко расстегнул и его.

Нагнувшись, пояснил: — Это чтобы ты и здесь не замешкалась. А теперь в кабину. — Он грубо подтолкнул меня вперед.

Разутая, я вошла в кабинку, закрыла стеклянную дверь и только здесь сняла комбинезон через ноги. Приоткрыв створку, я выставила его вместе с нижним бельем наружу.

Открыв кран, я содрогнулась и коротко вскрикнула. Полившаяся сверху вода оказалась ледяной.

Ёкай ухмыльнулся: — Думала, понежишься в теплой воде? Ее здесь включают по расписанию.

Делать было нечего, и я начала оттирать уже свернувшуюся кровь ногтями из-за отсутствия какой-либо губки. Шампунь мне заменил маленький кусок мыла. В холодной воде кровь смывалась хуже, а мои движения становились отрывистыми от дрожи, бившей все тело. Хуже всего были даже не промокшие волосы, с которых, как с сосулек, падали капли, обжигая кожу и забирая с собой остатки моего тепла. Хуже было осознание пристального взгляда Ёкая. Перепада температуры внутри кабины не было, а значит, не было пара и конденсата на стенках, способных меня скрыть. Стекло не было прозрачным, однако как я улавливала расплывчатый силуэт демона, так и он видел мое тело — на белом фоне плитки силуэт просматривался чуть лучше.

Мне даже казалось, что глаза его маски светятся — так четко я могла определить их местоположение.

Я мылась вполборота и почти закончила стирать кровь, как дверь кабины распахнулась, и порог быстро пересек Ёкай. Он зашел внутрь с невероятной скоростью. Среагировав, я резко развернулась к нему спиной, вжавшись грудью в охлажденную плитку.

— Что ты делаешь?! Выйди немедленно...

Договорить я не смогла: он закрыл мне рот. На этот раз на нем не было перчатки, и моя кожа столкнулась с грубой, сухой мужской ладонью. Я попыталась его укусить, но он лишь сильнее вжал меня своим телом в стену. В поясницу больно врезалась пряжка его ремня, я почувствовала жесткую ткань брюк. Все рецепторы обострились: я чувствовала его дыхание, тепло рук, близость тела... О, как же я ненавидела себя за это! За человеческие желания, возникавшие сами собой к этому тирану и убийце. Я знала о Стокгольмском синдроме и сейчас всей душой презирала его существование.

Некоторое время он стоял неподвижно, намокая под включенной струей воды вместе со мной. Его спасал лишь капюшон, но боковым зрением я видела ручейки капель, пробегающих по его маске.

— Сюда кто-то идет. Не выходи, пока я не скажу.

Перед тем как вновь скрыться, Ёкай накинул мне на плечи и голову их накидку. Я укуталась в нее и выключила воду. Замерев, я думала о странном, возникшем только что чувстве и его последствиях...

Минут через десять Ёкай вернулся. Я увидела его силуэт в открывшейся двери.

— Выходи.

— Кто это был?

— Заносили Надзирателя твоей сокамерницы, который поднял на тебя руку.

— В каком смысле «заносили»?

— Его наказали, а после приволокли сюда, чтобы отмыть. Только, в отличие от тебя, он испачкан своей кровью. Я сказал им прийти позже.

«Значит, они и своих не жалеют...»

— Вот, возьми. — Демон протянул мне полотенце.

Я повернулась к нему спиной, распахнула накидку, обернулась полотенцем и только потом сняла саму накидку, чтобы отдать ее Ёкаю.

Вздыхнув, он прошел к полке, взял оттуда другое полотенце и, подойдя ко мне, стал бережно протирать пряди моих волос. Так аккуратно, что я залюбовалась... Я совершенно не понимала этого мужчину и частые смены его поведения. Каждый раз он вызывал смешанные чувства, каждый раз заставлял нервничать, размышляя о его дальнейших действиях. Его лицо под маской казалось сосредоточенным: мышцы расслаблены, глаза пустые, а мысли отрешенные.

Я разглядывала его периферийным зрением.

Заметив это, он пояснил: — Часто я так ухаживал за своей матерью. Ты похожа на нее.

— Она в «Джагер»? Тоже работает на Вершителей?

— Она мертва, — резко ответил он, прервав откровение. — Бери свою обувь, скоро сюда придут. Я отведу тебя в комнату, где ты немедленно наденешь сухую одежду. Поняла?

— Что за забота?

— Всего лишь слежу, чтобы ты не заболела раньше времени.

— «Раньше времени»?

— Меньше вопросов, скоро все узнаешь.

Всю оставшуюся дорогу в коридорах я думала о его словах.

«Может, его вспышки некой нежности и заботы лишь из-за того, что я напоминаю ему мать?»

Почему-то мне хотелось, чтобы это было не так.

Глава 7

Глава 7

После ледяного душа той же ночью меня лихорадило. Я лежала в кровати, и мне казалось, что я все еще нахожусь в той душевой кабине и никак не могу выключить льющуюся сверху холодную воду. У меня был жар, и Бети периодически накрывала меня своим одеялом, чтобы я пропотела и согрелась. Но я каждый раз скидывала его, чтобы она сама не спала голая в неотапливаемой комнате. Смирившись, она изредка подходила к моей постели и клала на лоб платок, намоченный водой из маленькой питьевой бутылки. Это был тот самый платок от Ёкая, и почему-то, когда меня накрывало новой волной озноба, я вспоминала его близость, принесшую непередаваемое тепло...

«Какие же бредовые мысли меня посещают. Надеюсь, их рождает мой больной мозг».

Когда наступило утро, нас выстроили в общем зале для переклички и ознакомления с дальнейшим заданием.

— После прохождения IQ-теста вы уже должны были понять, где находитесь и насколько все серьезно, а также запомнить: организации не нужны бракованные исходники, — раздался над строем механический голос Ёкая. — Вы не совершенны, но мы сделаем из вас идеалов. Цель «Джагера» — изучить возможности человеческого организма и повысить их до максимума. Выносливость, скорость, регенерация, устойчивость к болезням и ядам, невосприимчивость кожи и всего организма, а самое главное — крепкая психика и быстрая приспособленность к новым условиям. Вы — будущие сверхсолдаты. Высококвалифицированные киллеры. И стать лучшим из вас сможет только один. Отбросьте все привязанности, здесь каждый сам за себя. Сегодня мы начнем проверку вашего здоровья: выясним группу крови, хронические заболевания, проверим зрение, слух, прочность костей, нервную систему, реакцию, иммунитет и так далее. Каждый будет вызываться по одному, по списку, начиная с парней. Покидать свое место в строю запрещено. Нарушение порядка и тишины приведет к расстрелу. Будьте паиньками.

Закончив речь, Ёкай развернулся и прошествовал мимо. Последнюю фразу он произнес, нарочно глядя прямо на меня. Но я не собиралась рисковать. Я выживу ему назло и отомщу. Обязательно.

Время шло невыносимо долго. Мы с Бети стояли плечом к плечу и даже не смели переговариваться, чтобы не нарушить порядок. Ноги болели, конечности затекали, болезнь давала о себе знать свинцовой усталостью. Я не понимала, что можно так долго делать в медицинском кабинете, но, слегка наклонившись, осознала причину — все дело было в количестве людей. Не поленившись, я насчитала тридцать девять человек, включая нас с Бети. Если прибавить убитого мальчика, то выходило ровно сорок — столько прибыло в организацию одновременно.

«Какая же большая клиника, с учетом размещения в комнатах по двое. И сколько же всего опытов предстоит, раз в конце должен остаться только один, лучший?» — такие мысли крутились в моей голове, пока наконец не настала моя очередь.

— Удачи, Эмма... — прошептала мне Бети вслед.

Подхватив под локти, меня повели по коридору, но не в направлении медпункта, как я предполагала, а в совершенно противоположную сторону. Открылись двойные двери, и я оказалась в большой операционной. Меня тут же окружили люди в масках, хирургических очках, шапочках, перчатках и халатах — полная конспирация. Посередине стояла кушетка, над ней — огромная белая лампа, по бокам — столики на колесиках с блестящими инструментами. Я стала нервничать и вырываться.

— Вы перепутали! Меня не должно здесь быть! Спросите Ёкая!

Я бегло оглядела пространство, но его нигде не было. Мои руки и ноги намертво приковали кожаными ремнями к кушетке, лицо накрыли кислородной маской. Подключили наркоз, а в вену ввели иглу с катетером. Жидкость неприятным холодом продвигалась по руке, и, хотя я отчаянно боролась с сонливостью, вопреки воле глаза закрылись.

Невыносимая боль и непривычная тяжесть. Вокруг темнота — это мои закрытые веки. Все происходило словно в замедленной съемке: ресницы дрожали, я едва сумела разлепить глаза, но почему-то не могла пошевелиться. К горлу подкатила тошнота — я всегда плохо переносила наркоз, однако двухдневное голодание не позволяло пустому желудку исторгнуть содержимое.

Полностью придя в себя, я поняла, что нахожусь уже в другом помещении. В нос ударил резкий запах хлорки. Это была маленькая герметичная комната, полностью выложенная белым кафелем. Я, словно жалкая гусеница, висела подвешенной к потолку. Не слишком высоко, но ноги беспомощно болтались в воздухе. На мне была другая одежда — что-то вроде ночной сорочки или свободного платишка без рукавов и с коротким подолом, опять же белого цвета...

За узким длинным стеклом впереди, как в комнатах для допросов, включился свет. И я увидела того, в чьем присутствии так нуждалась некоторое время назад. Перед Ёкаем располагалась панель управления с множеством кнопок. Он зажал большую красную клавишу, и динамик в моей комнате ожил, транслируя его измененный, механический голос:

— Добро пожаловать на первый круг Ада.

— А как же проверка здоровья?! — крикнула я, дергаясь в путах.

— Все нужные исследования мы провели, пока ты была без сознания. Не переживай.

— Ты говоришь это той, кого в прямом смысле подвесили к потолку?

— Тебе еще повезло, что твои руки не связали за спиной, как в «висящем аэроплане», иначе под весом собственного тела ты бы уже давно вывихнула плечевые суставы.

— Огромное спасибо, — с презрением выплюнула я.

Он проигнорировал мою колкость.

— Слышала ли ты когда-нибудь высказывание: «Все болезни берутся от отсутствия внутреннего баланса»?

— Не знаю... — Мне очень не нравилось то, к чему он вел.

— Это формулировка теории Гиппократа о четырех телесных жидкостях: крови, слизи, желчи и черной желчи. На протяжении многих веков учение об этом равновесии практиковали в медицине. Благодаря ему вывели многие средства для испражнения, рвоты и кровопускания. Последним мы сегодня и займемся. Гордись, ты будешь в числе людей, подвергшихся кровопусканию наравне с Моцартом и Джорджем Вашингтоном... Правда, они от этого и погибли. Но мы живем в другое время.

— А совершаем те же ошибки, — перебила его я.

— Их исход был вызван заражением крови и чрезмерным ее выпусчением. Ты же находишься в стерильном помещении, в высококвалифицированной клинике.

— Да о чем ты?! Эта клиника уже давно не выполняет своих функций, здесь нашли свое пристанище убийцы! И ты — худший их представитель!

Динамик замолчал: демон отпустил кнопку. То, что я выводила его из себя, явно не шло мне на пользу, но я не могла иначе — лишь в самые крайние моменты мне удавалось смолчать. Руки затекли, тугая веревка больно впилась в кожу, и в этот момент мне отчаянно хотелось сбросить пару килограммов, чтобы казаться легче и уменьшить страдания.

Отвлечшись на телесные мучения, я не заметила, как свет за стеклом погас и Ёкай исчез из вида.

«Вот и договорилась...»

Тяжелая дверь в мою камеру с грохотом распахнулась, и вошел Ёкай. Он катил перед собой столик на колесиках, на котором с неприятным металлическим звоном перекатывались

тазики и инструменты. Демон был очень зол. Наспех надев перчатки и небрежно накинув белый халат прямо поверх черного плаща, он подошел ко мне вплотную.

— Я сам проведу эксперимент. Может, так ты станешь послушнее, — схватив меня за волосы, он наклонил мою голову к себе и прошептал прямо в лицо: — И только посмей закричать. Давай условимся: превышаешь норму громкости — и я углубляю лезвие.

Откинув мокрые пряди с моего лица, он взял медицинские тазики и расставил их прямо под моими руками и ногами.

— Ну что? Порежем вену или перейдем сразу к артерии? Так твои страдания прекратятся быстрее.

Он откровенно издевался, а я ничего не могла сделать. Однако его смех оборвался, едва я, извернувшись и подняв голову, плюнула в него — прямо в маску. Ёкай замер. Затем молча взял висящую на поясе тряпку и тщательно протер испачканную поверхность.

— Ты забываешься. Все должно быть стерильно... Но раз ты хочешь по-другому...

Он легко подцепил пальцами предмет, напоминающий скальпель, повернулся ко мне лицом и слегка приподнял нижний край маски. Я увидела часть его лица: пухлые губы, острые скулы, волевой подбородок с небольшой щетиной и хищный, пугающий оскал. Демон злорадно и медленно провел кончиком языка по острому лезвию. На стали тут же проступили темные капельки его собственной крови. Вновь надвинув маску, он сделал шаг ко мне.

— Заражение крови считай обеспечено. Начнем. А чтобы тебе было не так скучно, я буду называть каждую вену, которую собираюсь вскрыть.

— Нет! Нет! — Я отчаянно задержалась из стороны в сторону.

— Я же предупреждал насчет громкости... И не шевелись, а то отрежу то, что не нужно.

— Как ты можешь быть таким спокойным?! Как можешь требовать спокойствия от меня?!

— Издержки профессии, — хмыкнул он.

Холодный металл прикоснулся к моей коже.

— Этот инструмент называется ланцет. Я сделаю им пару надрезов, а затем возьму другой. Эксперимент строится на проверке утверждения «Кровь — это жизнь». Наша задача — выяснить, какое максимальное количество крови ты способна потерять и при этом не умереть. Колебание объема зависит от твоего телосложения, веса, рациона, питьевого режима, иммунитета и, естественно, от группы крови, ее свертываемости, а также от состояния самих эритроцитов, лейкоцитов и тромбоцитов. Полученные результаты мы сравним с другими, чтобы сделать вывод о лучшем сочетании этих составляющих. Сам же объем необходим для понимания, сколько ты сможешь пожертвовать при донорстве, а также во избежание потери летального количества крови при ранении.

На протяжении всего монолога он не отводил от меня лезвия ланцета. С каждым его словом мне казалось, что сталь вот-вот погрузится в плоть, поэтому я испуганно задерживала дыхание. И когда воздух в легких окончательно закончился, Ёкай вдруг отстранился и повернулся к тележке. Как оказалось, у нее было фальшивое дно. Надавив на скрытую защелку, он выдвинул потайной ящик, в котором лежал противогаз.

— Это еще для чего?

— Тебе рассказать о предназначении этого предмета? — Он взял противогаз в руку и замер в позе Гамлета, держащего череп бедного Йорика. Не выходя из образа, он прошествовал к двери, возле которой находилась большая кнопка. Со словами «Быть или не быть?» он нажал на нее.

Раздалось шипение, и из маленьких отверстий под потолком повалил густой дым. Одновременно с попытками осознать происходящее я сделала вдох. Воздух наполнился горьковатым, приторно-сладким и тяжелым запахом. Ёкай тем временем отвернулся. Я поняла, что

он снимает маску: бережно отложив ее, демон надел противогаз. Однако перед этим я успела услышать его глубокий, чистый вдох.

«Если этот газ предназначен для меня и причиняет вред, зачем он сам его вдыхает?»

— Расслабься, это всего лишь опиум, — донесся глухой голос из-под резиновой маски противогаза. — Он заглушит твою боль и расслабит мышцы. Другим повезло меньше. Выяснилось, что среди парней есть десяток человек с чересчур густой кровью. Им для проведения этого опыта будут наносить не надрезы, а прикреплять живых пиявок.

— Что?..

— Это называется гирудотерапия, мы же с тобой занимаемся флеботомией. Секрет эффективности пиявок кроется в веществе, которое они вырабатывают, — гирудине. Он обладает сильным обезболивающим свойством, так что их укус практически незаметен. Но второе его свойство — разжижение крови для предотвращения ее свертывания. Пиявка — настоящая машина по высасыванию жидкости: у нее три челюсти и целых десять желудков. «Джагер» же для улучшения эффекта надрезает саму пиявку после присасывания. Таким образом она продолжает сосать, но не может насытиться, и кровь беспрепятственно вытекает из нее прямо в подставленные емкости. Несколько веков назад таким способом вполне могли убить, ведь на тело цепляли до пятидесяти особей за раз. После их удаления раны продолжали кровоточить часами из-за неспособности тромбоцитов сформировать сгусток, и человек погибал от кровопотери. Что ж, экскурс в историю окончен, приступим.

Он полностью поправил противогаз и шагнул ко мне. Поток опиума в комнате усилился. У меня сильно закружилась голова, я обмякла. Тело странно реагировало на газ: дыхание замедлилось, веки стали свинцовыми, а чувствительность кожи практически исчезла — я больше не ощущала даже врезавшихся в запястья веревок.

Без лишних промедлений Ёкай снова взял ланцет.

— Локтевая вена.

Он резко погрузил острие в мою плоть. Лезвие вошло легко, словно в подтаявшее масло, но неглубоко — он тут же выдернул инструмент обратно. Темный густой поток заструился вниз по руке. Это течение ощущалось теплым, но глубоко неприятным — не из-за боли, которой я почти не чувствовала под опиумом, а из-за липкого осознания, что это моя жизнь вытекает наружу. Кровь размеренно спускалась по предплечью, опутывая пальцы причудливым узором, скапливалась под ногтями и с глухим стуком капала в подставленный тазик.

Я больше не сопротивлялась, растеряв остатки сообразительности, и просто заворуженно наблюдала. Рука окончательно онемела.

Ёкай подошел еще ближе. В моем подвешенном положении наши тела оказались на одном уровне. Он медленно расшнуровал ворот моего платья и приспустил ткань на одно плечо. Его прикосновения были на удивление нежными: он едва касался кожи, словно вырисовывая на ней невидимые знаки.

«Наверное, это просто галлюцинации от опиума...»

— Подключичная вена.

В этот раз лезвие вошло ощутимо, и я допустила серьезную ошибку — дернулась. Кончик ланцета с противным звуком наткнулся прямо на выступающую кость ключицы. Эту боль невозможно передать словами: это было ощущение живого ножа, вбитого прямо в скелет.

Демон грязно выругался, отшвырнул окровавленный ланцет на пол и неожиданно стал меня утешать.

— Прости, это моя вина... Зашел не под тем углом, — глухо бормотал он.

Он гладил меня по голове, даже не пытаясь остановить кровотечение, ведь эксперимент должен был продолжаться. Этот резкий болевой шок на миг вернул мне ясность сознания. Качнув головой, я смахнула набежавшие слезы и тихо проговорила:

— Всегда, когда мы остаемся наедине, ты совершаешь то, что в принципе не поддается прощению, но все равно просишь его. Эта черта совершенно не вяжется с твоей ролью моего палача.

Он мгновенно понял намек. Его руки застыли на моих волосах. Я напомнила ему его первое «прости», произнесенное в гостиной после убийства моих родителей.

«Наверняка его ступор вызван тем, что он считал, будто я тогда была без сознания и ничего не слышала. Что ж, я очень злопамятная».

Он медленно отстранился.

— Можем продолжать? Ты в порядке?

— Жива... Пока еще.

Он коротко кивнул, соглашаясь с какими-то своими мыслями, и снова отошел к тележке.

— Давай ускорим процесс с помощью флебота, — он продемонстрировал странное квадратное приспособление с прорезами. — Внутри находится сразу несколько коротких лезвий на пружинах. Работает по принципу степлера: одно нажатие — и лезвия мгновенно протыкают кожу.

— Звучит не очень обнадеживающе, — тихо произнесла я, оглядывая свой паршивый вид. Белое платье уже успело пропитаться кровью и тяжелым грузом липло к телу, окончательно потеряв свой первоначальный цвет.

— Это не так болезненно, и здесь ошибок быть не может.

— Ты то же самое говорил и про ланцет.

Он пропустил замечание мимо ушей, опустил на колени возле моих безвольно висящих ног и насборил мокрый подол, подняв его до самых бедер.

— Я буду удерживать твои ноги, чтобы не было резких движений, — сказав это, он крепко обхватил обе мои лодыжки одной рукой, а свободной прижал прибор к коже. — Бедренная вена.

Холодная металлическая пластина коснулась бедра, раздался резкий щелчок, и по ощущениям не менее восьми лезвий разом вонзились в плоть. Ёкай тут же вскочил и зажал мне рот ладонью, перехватывая готовый вырваться крик. Большая мужская рука накрыла мое лицо. Из глаз хлынул град горячих слез, которые всю стекали по его коже, но он не отстранился, удерживая меня.

— Тише, тише... Остался всего один прокол, и мы закончим.

Я его почти не слышала. На этот раз крови хлынуло слишком много, и мне становилось все хуже. Я одновременно ощущала свинцовую тяжесть и странную, пугающую легкость; конечности стали ледяными и абсолютно неподвижными. Невидимые тиски сжали виски, я бессильно уронила голову на грудь, а липкие пряди волос упали на лоб, залитый холодным потом.

Ёкай заметно ускорился.

— Задняя большеберцовая вена.

Еще один сухой щелчок проколов. На этот раз боли почти не было — лишь потому, что сознание стремительно покидало меня.

Послышался глухой звук разрезаемой веревки: демон торопливо орудовал ножом, освобождая мои запястья от потолочных пут. Глаза закрылись. Мое тело камнем рухнуло вниз, но в тот же миг сильные руки подхватили меня, не дав коснуться холодного кафельного пола.

— Ты молодец, отдыхай... — тихо донеслось до меня перед тем, как я окончательно провалилась в темноту.

Глава 8

Резкий вдох вернул меня в чувство. Я подскочила на кровати и тут же рухнула обратно — благо подушка оказалась под головой, иначе бы точно заработала шишку. Но гипотетическая шишка не шла ни в какое сравнение с тем, как ощущалось все мое тело. Каждая конечность казалась неподъемной и ледяной, а голова была налита тяжелым свинцом.

Я повернулась, чтобы осмотреть знакомую комнату. Оказалось, все это время за мной молчаливо наблюдала Бети. Встретившись со мной взглядом, она слабо улыбнулась и хриплым от волнения голосом произнесла:

— Как ты себя чувствуешь?

— Если бы я знала, что такое похмелье, я бы описала его именно так, — решила я отшутиться, но тут же разразилась сухим кашлем.

Во рту пересохло, подташнивало, хотя в то же время внутри разливалось глухое чувство голода. Но желаемого эффекта я добилась — Бети тихонько хмыкнула.

— А я тоже ни разу не пила алкоголь, хоть уже и совершеннолетняя... — с легкой грустью призналась она.

— Да мы с тобой просто святые и целомудренные, — рассмеялась я и тут же поморщилась от слабости. — Не переживай, обещаю: когда мы выберемся отсюда, я отведу тебя в самый шикарный клуб с самыми горячими стриптизерами. Закажу тебе просекко, потом шот «Б-52», а вишенкой на торте станет настоящая русская водка!

— А какая она на вкус? И этот шот тоже?

— Если честно, без понятия. Просто вспомнила звучные названия. Но говорят, вещь убойная.

— Надеюсь, в хорошем смысле...

— И я надеюсь. Всяко лучше, чем то, чем нас накачивают здесь.

Приподнявшись, я осмотрела свои руки и ноги. Откинув одеяло, заметила, что на мне чистая одежда, а каждый порез аккуратно закрыт марлевой повязкой. Ключица все еще стреляла острой болью и неприятно тянула шею, из-под бинта выглядывал обширный сине-фиолетовый синяк. Затем я переместила взгляд на предплечье: в отличие от остальных надрезов, этот был стянут ровным хирургическим швом с тонкими рассасывающимися нитями.

«Странно... Не помню, чтобы Ёкай делал надрез именно здесь».

Бети оживилась, поднялась с постели и, свесив ноги, дотянулась до тумбочки. Извлекла оттуда маленькую бутылку воды и аккуратно покатила ее по одеялу в мою сторону:

— Лови.

— Но это же наш общий запас, непонятно на какой срок, — запротестовала я. — Я не могу выпить ее одна.

— Пока ты была без сознания, надзиратели принесли две бутылки, тебе и мне. Это минеральная вода. По их словам, она поможет быстрее восстановить баланс жидкости и полезных веществ после кровопотери.

Обрадовавшись, я перехватила бутылку и жадно припала к горлышку, выпив все до последней капли. Газированные пузырьки приятно обожгли пересохшее горло, а в желудке наконец воцарилась долгожданная прохлада. Утолив жажду, я почувствовала себя невероятно освежившей и улеглась поудобнее, повернувшись лицом к подруге.

«Как же мало нужно человеку для счастья — всего лишь глоток чистой воды...»

Сокамерница аналогично справилась со своей порцией и, выглядя заметно бодрее, перехватила инициативу в разговоре:

— Тебя приходил навестить Хельвед. Сказал, что Вершителю очень довольны твоими результатами: один литр и семьсот граммов. Это тридцать пять процентов потери объема циркулирующей крови. Что-то между средней и тяжелой степенью.

— Какие потрясающие новости, — саркастично протянула я, мысленно адресуя этот ответ самому палачу. — А сколько выкачали из тебя?

— Всего лишь литр двести.

— Но это тоже огромная цифра!

— Помню, когда я была помладше, родители очень пеклись о моем здоровье, и я ежегодно проходила целый консилиум, — вздохнула Бети. — Помню, как-то назначили анализ крови из пальца. Вроде бы пустяк, но у меня с этим вечная проблема — кровь слишком густая. После прокола она наотрез отказалась течь. Пришлось долго растирать палец, греть его у батареи... А когда медсестра наконец набрала пробирку и я вышла в коридор, за спиной раздался звон разбитого стекла. Женщина грязно ругнулась, открыла дверь и с елейной, фальшивой улыбкой попросила меня вернуться на повторную процедуру. После этого мой палец стал голубого синего цвета, а я была готова задушить эту растяпу. Так что представь, в каком состоянии я сейчас... Эх, ладно. Подскажи, а сколько я вообще спала?

— Около двенадцати часов.

— Вот почему я такая голодная...

— Ну, вообще-то, прошло уже достаточно времени с нашего последнего приема пищи, — заметила Бети. — Но нас скоро должны покормить.

— Это тебе тоже Хельвед сказал?

— Нет, про ужин громко объявляли в коридоре, когда проходили мимо двери. Судя по всему, есть мы будем в общей столовой.

— Тогда у нас как раз есть время узнать друг друга получше, моя подруга по несчастью, — с нежностью произнесла я, придвигаясь ближе. — Расскажи про своих родителей... Я пойму, если ты не захочешь.

— Все нормально, я расскажу, — тихо ответила Бети. — Но взамен ты поделишься историями о своей жизни.

— Идет!

Бети мечтательно устремила взгляд в потолок, и ее лицо тут же приняло странное выражение — болезненный коктейль из глубокого сожаления и... глухой ненависти.

— Я выросла в неполной семье. Отец бросил нас почти сразу после моего рождения, когда стал отчетливо виден цвет моих волос. В нашем роду никогда не было рыжих, да и глаза сильно отличались от родительских. Он обвинил мать в измене, устроил скандал и навсегда ушел. Мать возненавидела меня за то, как я выглядела. За то, кем я была — живым напоминанием о человеке, превратившем ее жизнь в кошмар. Она регулярно вымещала на мне злость. В порыве гнева могла схватить огромные портновские ножницы и гоняться за мной по всей квартире, крича, что сострижет эти «проклятые волосы».

Бети приподняла несколько прядей — они действительно сильно отличались по длине, оборванные и неровные.

— После того как одна такая погоня закончилась глубоким порезом уха и вырванными ключьями кожи на затылке, я перестала сопротивляться. Просто терпеливо сносила весь ее гнев, принимая любые удары и оскорбления. Меня никогда не называли по имени или «дочкой». Только сучкой, стервой, дрянью...

В ее глазах заблестели крупные слезы, но она упрямо продолжала, хоть голос ее и дрожал:

— Я старалась как можно реже выходить из своей комнаты. Покидала ее, только когда мать кричала, чтобы я принесла ей еды — сама она сутками не отходила от телевизора. Я постоянно ходила в глубоком капюшоне, но стоило хоть одному рыжему волоску показаться наружу, как в ее глазах вспыхивал яростный огонь.

Я все больше корила себя за то, что попросила ее об этом рассказе. В груди болезненно защемило от жалости и сопереживания. Моя расслабленная поза исчезла, я неосознанно начала заламывать пальцы — верный признак сильного стресса.

«А я-то считала тебя хрупкой, изнеженной девушкой, — пронеслось у меня в голове. — Оказалось, весь этот затаенный страх в твоих глазах — лишь отчаянное желание защитить окружающих от боли, похожей на твою».

— Я не видела ее смерти, мне сообщили об этом уже здесь, — глухо закончила Бети. — Меня саму похитили с парковки университета. Я учусь на заочном и в тот вечер приходила на сдачу зачета. Накрыли рот какой-то вонючей тряпкой и запихнули в фургон. На парковке было темно, камер поблизости не оказалось, как и моих родственников. Я просто пропавшая без вести девочка... — Она горько улыбнулась. — Но знаешь, почему-то мне совсем не жаль маму. Надеюсь только, она умерла быстро и без мучений. Я признательна ей хотя бы за то, что она не выбросила меня в младенчестве и дала крышу над головой... Что ж, если вкратце, это все. Теперь твоя очередь.

Бети повернулась ко мне всем телом, выжидающе глядя на меня. Если честно, после ее исповеди мне было трудно сфокусироваться на чем-то светлом, но я послушно начала:

— Эм... А что именно ты хотела бы услышать?

— Ну, может, какую-нибудь историю о том, как вы проводили время вместе?

— С отцом я с самого детства ходила на охоту, — улыбнулась я воспоминаниям. — Мы гоняли зайцев, выслеживали огромных лосей, чьи рога цепляли ветви деревьев... А однажды даже набрали на целое семейство диких кабанов. Кто-то из ближайшей деревни повадился свозить пищевые отходы вглубь леса, вот кабаны и облюбовали это место. Нам не повезло столкнуться с ними нос к носу. Пришлось спасаться бегством: огромная кабаниха посчитала нас угрозой для своих детенышей. В таких ситуациях лучшее решение — бежать изо всех сил и не нарываться. Мой дед тоже был заядлым охотником. Пока был жив, часто навещал нас и всегда привозил подарки собственного изготовления — чучела животных. Так наш дом постепенно обставлялся тематическими картинами, резными поделками и стал напоминать настоящую охотничью хижину. Чучела дедушки меня искренне завораживали. Мне нравилась сама идея своеобразного увековечивания существ, поэтому со временем я всерьез занялась таксидермией.

Я сделала небольшую паузу, переводя дух. — Окружающие твердили, что это занятие совсем не подходит для девушки, но родители, наоборот, всячески меня поощряли. Мне даже выделили отдельную рабочую комнату. Отец на охоте старался как можно меньше повреждать шкуру животного и приносил туши на мой специальный стол. Там мы сливали кровь, отделяли шкуру от мяса, из которого мама потом готовила ужин, и проводили химическую обработку. Потихоньку я оттачивала мастерство. Препарирование приносило мне странное успокоение: скальпель или нож в руке ощущались приятной прохладой и лежали как родные. Я полюбила сама разделять мясо. Единственным минусом, которого я жутко стыдилась, были мои руки. Они покрылись мелкими шрамами и химическими ожогами от дубильного состава. Тот раствор был настолько токсичным, что буквально выжигал отпечатки пальцев. Из-за этого мои ладони стали сухими и грубыми, как у мужчины...

Я тяжело вздохнула и обвела взглядом мрачные стены нашей камеры:

— Находясь здесь, я понимаю, каким глупым и ничтожным был этот комплекс. Слушай, Бети... А после того эксперимента с кровопусканием... есть выжившие? Все справились?

Бети отвела взгляд, и ее плечи поникли.

— К сожалению, нет. Двое парней с плохой свертываемостью крови, которым ставили пиявок, умерли от критического обезвоживания и открытых ран.

— Сукин сын... — процедила я сквозь зубы, вспоминая свои разговоры с Ёкаем. — А ведь уверял меня, что с пиявками никто не переборщит!

— Их убили намеренно, — тихо отозвалась Бети. — У них изначально были худшие показатели здоровья.

— Так странно... Мне провели эту процедуру, когда я буквально горела от лихорадки.

— Твоя болезнь не повлияла на итоговые маркеры. Эксперимент признан успешным. К тому же твое психологическое состояние оказалось куда менее удручающим, чем у некоторых парней.

— «Психологическое состояние»... — прошептала я, и в этот момент меня осенила внезапная догадка. — Бети, возвращаясь назад... Раз у тебя были такие сложные отношения в семье, скажи: вы когда-нибудь обращались к психологам? Семейным или личным?

Бети на секунду задумалась, покусывая губу:

— Дай-ка вспомнить... Да, несколько лет назад мы посещали семейную пару психологов. Они выступали нашими наставниками по налаживанию климата и сепарации. Мне это действительно немного помогло, я стала лояльнее относиться к вспышкам матери. А вот сама она, едва истек оплаченный курс, тут же растеряла весь прогресс, и нападки возобновились с новой силой.

— Курс? А как вы вообще вышли на эту пару? Кто-то порекомендовал?

— Нет, нам просто подбросили в почтовый ящик анонимное письмо с визиткой. Поначалу мы подумали, что ошиблись адресом, но на конверте были четко указаны наши данные.

— И тебя не насторожила такая таинственность?

— Я тогда предположила, что кто-то из соседей устал слушать вечные крики из нашей квартиры и таким образом деликатно подсунул «помощь».

— Я понимаю, что прошу почти невозможного, но все же: ты помнишь их имена или фамилии?

— Нет-нет, почему же, вопрос вполне обычный. Я хорошо помню. Это была супружеская пара Симонсенов.

В моей голове со щелчком пазл наконец сложился воедино.

Симонсены. Друзья и коллеги моих покойных родителей. Точнее, они притворялись ими. Они изредка приходили к нам в гости и вели себя, мягко говоря, странно: постоянно переглядывались, словно общались на каком-то ментальном уровне, а их натянутые, фальшивые улыбки вызывали у меня глухое тошнотворное чувство. Мои родители видели это — я знала наверняка, но почему-то упорно игнорировали. У меня о них сложилось четкое впечатление: расчетливые манипуляторы и лжецы, преследующие исключительно собственную выгоду. И теперь я понимала, что такие люди без зазрения совести могли копаться в чужих головах ради целей организации.

Исходя из моей теории, «Джагер» перед похищением подростков проводил глубокое исследование их личных дел через этих психологов-кукловодов. Те, в свою очередь, на сеансах ненавязчиво задавали вопросы, интересовавшие организацию. На приеме от уязвимого ребенка было проще простого узнать, когда он остается один дома, каков рабочий график его родителей и есть ли близкие родственники, способные поднять тревогу. Так они выбирали идеальных кандидатов, за которыми никто не придет.

Эту догадку еще предстояло подтвердить, но я была счастлива, что мне удалось нащупать первую реальную зацепку. Во что бы то ни стало я найду всех, кто причастен к убийству моей семьи.

Наши рассуждения прервал резкий скрежет открывающейся двери. В комнату вошли двое крепких мужчин в камуфляжной форме.

— На выход. Пришло время приема пищи, — приказал тот, что был повыше.

Прежде чем вывести нас в коридор, на моем запястье с сухим щелчком захлопнулся тяжелый стальной наручник, вторая часть которого длинной цепью тянулась к руке конвоира. То

же самое проделали и с Бети. Только ее надзиратель оказался куда наглее: он грубо толкнул девушку в спину, заставляя идти быстрее.

«Надо не забыть вылить на этого урода что-нибудь горячее при удобном случае. Или вилку в глаз воткнуть. Пусть не расслабляются», — мысленно злорадствовала я, едва сдерживая гнев.

Попутно в голове крутилась другая мысль: «Общая столовая — это же идеальное место для бунта! Нас тридцать четыре человека, почти все — совершеннолетние парни. Почему никто даже не пытается сопротивляться?»

Коридор привел нас на этаж ниже, в холодное, просторное помещение. Справа располагалась зона раздачи еды, представляющая собой глухую кирпичную стену с массивной дверью и полукруглым смотровым окошком. Слева ровными рядами тянулись тяжелые железные столы и приваренные к полу стулья.

Едва переступив порог, мой конвоир без лишних слов перестегнул цепь от своего запястья к руке подошедшего Ёкая. Тот, не церемонясь, потащил меня к раздаче, попутно подхватив со стола поднос и столовые приборы. Приборы оказались металлическими — и это не могло не радовать. Какая-никакая, а гарантия, что нам не придется пилить пищу хлипким пластиком. Да и в качестве холодного оружия тяжелая ложка подходила куда лучше. Жаль, ножей не было.

Едва поспевав за его широкими шагами, я заговорила на повышенных тонах:

— И тебе привет, надзиратель. Что, даже слова не проронишь? А мне тут птички на хвосте принесли, что ты у нас такой заботливый — аж приходил проверить свою «любимую» подопечную, пока та была в отключке...

Вокруг послышались тихие, испуганные смешки со стороны других пленных.

— Закрой свой рот, — коротко и глухо бросил Ёкай.

Я осталась довольна результатом. Я добивалась именно этой вспышки раздражения, но почему-то привычного удовлетворения это не принесло.

Демон наконец обернулся ко мне лицом:

— Тех, у кого зафиксированы лучшие результаты в экспериментах, ждет поощрение. В виде трапезы за одним столом с администрацией.

— Какая неопишуемая честь... — Я демонстративно закатила глаза.

Когда подошла наша очередь, из окошка раздачи выдвинулись глубокие тарелки, полные ароматного, исходящего густым паром супа, а следом — тарелки с сытным гарниром и крупными кусками мяса. У меня непроизвольно выделилось колоссальное количество слюны, и я судорожно слотнула. Еще утром от одной мысли о еде меня воротило — ее запах слишком напоминал мне кровь из операционной. Но сейчас истощенный организм буквально кричал о необходимости восполнить энергию.

Расставив все четыре тарелки и два стакана сока на подносе, Ёкай двинулся в сторону дальнего обособленного стола. Все присутствующие в зале пленники провожали его напряженными взглядами. И только после того, как демон опустился на свое место, остальным конвоирам было дозволено разрешить своим подопечным приступить к еде.

Стоя у стола, я быстро огляделась. Все пленные, включая Бети, замерли неподвижными изваяниями над сидящими надзирателями. В глазах конвоиров они выглядели ничтожнее болотных блох. Им не позволяли есть, заставляя молча наблюдать за тем, как их мучители набивают свои желудки. Это был изощренный, психологический способ каждый раз напоминать нам, какое место мы занимаем в этой иерархии. Лишь двоим парням и мне была предоставлена сомнительная привилегия оказаться за этим столом на правах «равных».

Ёкай с противным металлическим скрежетом выдвинул для меня стул. Опустившись на него, я полностью сфокусировала внимание на кипящем наваристом бульоне. Взяв в руку ложку, я вдруг на автомате выпалила:

— Приятного аппетита. — И тут же испуганно зажала рот ладонью.

«Дура! Нашла кому желать приятного аппетита! Какой позор...»

— Извини... Случайно вырвалось, — пробормотала я, утыкаясь взглядом в тарелку.

— Ты очень странная, — тихо прошептал Ёкай.

Я подняла глаза и заметила, что он едва уловимо улыбается. Это был второй раз, когда он слегка приподнял нижний край своей маски, обнажая лишь губы. Остальные надзиратели за столом поступали точно так же — конфиденциальность в организации оставалась в приоритете.

«Жаль, что он произнес это шепотом, — подумала я, зачерпывая суп. — Мне бы очень хотелось услышать его настоящий, не измененный прибором голос. Может, тогда я смогла бы идентифицировать его на допросе в полицейском участке... Если бы нам вообще представился такой шанс».

Помимо этих рациональных мыслей, где-то глубоко внутри шевельнулось неприятное, пугающее чувство: я ловила себя на мысли, что мне просто искренне хочется узнать, какой он человек на самом деле.

Ложка, наполненная горячим бульоном, уже была на пути к моему рту, как вдруг Ёкай резко потянул свою руку вперед. Из-за короткой цепи наручников моя рука дернулась в противоположную сторону, расплескавшись и обдав меня брызгами, вернулась обратно в тарелку. Диссонанс заключался в том, что стоило мне поднести ложку к лицу, как он совершал аналогичное движение, и цепь натягивалась. Так повторилось несколько раз. Сама я не решалась намеренно дергать руку — хотя в глубине души отчаянно хотелось сделать так, чтобы он обжегся. И только после того, как моя и без того грязная от разводов крови водолазка покрылась еще и жирными маслянистыми пятнами, я бросила эти бесплодные попытки.

«Ладно. Легче просто дождаться, пока этот демон закончит со своими блюдами».

У двух других награжденных парней ситуация складывалась иначе. Один из них открыто и дерзко дискутировал со своим надзирателем, а тот в ответ намеренно ел издевательски медленно, затягивая процесс. Второй паренек оказался амбидекстром — он одинаково хорошо владел обеими руками, поэтому без труда и лишней спешки ел свободной левой. Он сидел неподалеку от Бети и то и дело бросал на нее полные искренней жалости взгляды. Девочка продолжала безмолвно стоять у него за спиной, едва держась на ногах.

Когда Ёкай наконец закончил трапезу и поднялся со своего места, его подчиненные синхронно повторили это движение, оставив свои тарелки. Демон вернул маску в исходное положение, зашел ко мне со спины, быстрым движением отстегнул наручник от своей руки и с громким щелчком зафиксировал его на тяжелой железной спинке моего стула.

— Приятного аппетита, — нарочито громко и ехидно поддразнил он меня, обращаясь при этом ко всему залу. Теперь нам официально дозволялось есть в одиночестве.

Надзиратели строем удалились из столовой, предварительно приковав всех своих подопечных к массивным железным перегородкам и стульям. Обьедки в тарелках — вот и вся еда, которая досталась тридцати двум оставшимся пленным. Все, что надзиратели не успели доест, пока не встал Демон, переходило им. Бети едва сдерживала беззвучные слезы: так жестоко с ней не обращалась даже родная мать. Ее конвоир сожрал абсолютно все, не оставив на тарелке ни крошки.

«Вот же урод!» — внутри меня все закипело от праведного гнева.

Я порывисто вскочила, намереваясь пододвинуть ей свою практически нетронутую порцию, но мой стол стоял слишком далеко от остальных, стул был намертво приварен, а длина цепочки не оставляла мне ни единого шанса дотянуться.

Вместо меня Бети неожиданно поддержал тот самый парень-амбидекстр. Он аккуратно отодвинул стоявшую перед ней пустую грязную тарелку, пододвинул свою порцию и протянул чистую ложку.

Я изо всех сил напрягла слух, пытаюсь разобрать их тихий диалог сквозь общий гул голосов:

— Меня зовут Лиам, — парень лучезарно и открыто улыбнулся, глядя на испуганную девушку. — Поешь, пожалуйста. Здесь ровно половина, ни ты, ни я не останемся голодными.

Бети окончательно разрыдалась, но на этот раз — от переполнявшего ее чувства благодарности. Теперь у нее появился хоть кто-то, готовый позаботиться о ней в мое отсутствие.

— Ну что ты, все хорошо, не плачь, — мягко произнес Лиам и принялся осторожно гладить ее по спине.

Остальные пленники в зале молча наблюдали за этой сценой. В их взглядах читалось явное неодобрение зарождающейся сплоченности. Все присутствующие здесь разительно отличались друг от друга, но у каждого на лбу был негласно выжжен главный девиз этой дыры: «*Каждый сам за себя*». На всех, кроме нашей троицы.

Чтобы немного отвлечь Бети и дать ей возможность спокойно поесть, Лиам решил продолжить разговор. Однако девушка с набитым ртом перебила его. Это была удивительно умирительная картина: красные от слез глаза, шмыгающий носик и круглые щечки, измазанные в соусе — вылитый рыжий хомячок.

— А какая у тебя была семья? — тихо спросила она.

Вероятно, ей жизненно необходимо было слушать чужие истории. Может, она подсознательно искала подтверждение тому, что она не одинока в своих детских страданиях. А может, напротив, пыталась впитать крупницы чужого тепла и хороших воспоминаний, пускай и принадлежащих другим людям.

Для меня этот вопрос тоже сыграл на руку: биография еще одного узника могла стать важным кусочком в моем расследовании.

Лиам тяжело вздохнул, явно не ожидая такого прямого вопроса в самом начале знакомства. Было заметно, как сильно ему не хотелось ворошить прошлое.

— Я не знал своей матери, она умерла в муках прямо во время родов, — после затянувшейся паузы начал он. — Меня в одиночку воспитывал отец. Но сколько себя помню, я всю жизнь остро, до боли нуждался в материнской любви... Отец работал на износ. Он в буквальном смысле разрывался между кучей предприятий и подработок, каждую секунду рискуя просто умереть от инфаркта прямо на рабочем месте. Он безумно перегружал себя обязанностями, хватался за любое, самое унижительное предложение — главное, чтобы оно приносило хоть какие-то деньги. Настоящей, непозволительной роскошью для нас был поход в простую забегаловку на мой день рождения, просто чтобы я мог съесть крошечный кусочек торта и задуть праздничную свечку. Отец искренне старался баловать меня так, как позволяли его скромные силы.

Парень сглотнул подступивший к горлу ком:

— Из-за нашей бедности надо мной жестоко издевались в школе. Это был настоящий, беспощадный буллинг. Мой школьный портфель постоянно пачкали грязью или обливали лимонадом, тетради и учебники рвали в клочья или поджигали прямо в туалете. Учителя сознательно закрывали на это глаза, ведь зачинщиками выступали дети очень богатых и влиятельных родителей. Мой папа был абсолютно бессилен перед этой системой. Ему приходилось раз за разом покупать мне новые вещи на последние деньги, а сменить школу мы не могли — у нас банально не было средств на переезд и взносы. Я своими глазами видел, как день за днем угасает единственный родной мне человек. Сам я держался из последних сил, молча терпя издевательств. А когда порча вещей переросла в регулярные побои, я до последнего врал отцу, что все в порядке, а синяки — это просто случайные ушибы на физкультуре. При ударах я всеми силами закрывал лицо, подставляя под удары спину и ребра, лишь бы он ничего не заметил. Но один раз скрыть травмы не удалось. Мне сломали несколько ребер, и осколок одного из

них едва не проткнул легкое. В состоянии глубокого шока я кое-как доковылял до дома и упал прямо на пороге перед отцом, кашляя темной кровью.

Лиам на мгновение закрыл глаза, и его кулаки до белых костяшек сжались на краю стола:

— Это был последний день, когда я видел своего папу живым. Не выдержав вида моего истощенного, избитого тела на больничной койке, он окончательно сломался. Папа осознал, что, несмотря на все свои титанические усилия, он так и не смог меня защитить, обеспечить и подарить нормальное детство. В те последние дни он почти не спал, практически ничего не ел... Я замечал в его поведении странности: он признавался, что ему мерещатся слуховые галлюцинации, жаловался на навязчивые, пугающие мысли. Жизнь окончательно доконала его. В день моей госпитализации он... он выбросился из окна шестого этажа. Прямо из окна моей палаты, за несколько минут до того, как я пришел в сознание. Из-за трубки искусственной вентиляции легких в моем горле я не смог даже закричать. Не смог предупредить его, что я жив, что со мной все будет хорошо... А потом с улицы раздались истошные крики испуганного медперсонала. Я забился в неистовой истерике прямо на подушках, и каждый всхлип приносил мне дикую, разрывающую боль — как в сломанных ребрах, так и в моем израненном сердце. Обычно родители учат своих детей, как правильно жить. Мои же... с самого рождения познакомили меня со смертью.

Закончив свой страшный рассказ, Лиам оторвал взгляд от невидимой точки на столе и мягко посмотрел на Бети. Девушка заворуженно тарашилась на него, приоткрыв рот от ужаса, но перед этим все же успела доесть предложенную порцию.

«Значит, его похитить было проще всего, — цинично констатировал мой внутренний голос. — У него изначально не осталось близких. Нужно только нащупать его связь с той загадочной клиникой и четкой психологов... И еще, это странно. Он рассказывает о таких чудовищных вещах удивительно спокойно и ровно. Либо у Бети феноменальный дар вызывать людей на предельную откровенность, либо... он уже неоднократно делился этой историей с кем-то, кто помог ему перешагнуть через эту травму?»

— Прости меня, пожалуйста! Я не хотела ворошить такое страшное прошлое! — испуганно пролепетала Бети.

— Все в порядке, ты же не знала, — грустно улыбнулся Лиам. — Это моя жизнь. Здесь уже ничего не исправишь.

Бети понуро опустила голову и тихо, едва слышно проговорила:

— Все мы с самого детства находились в непрекращающихся мучениях. Я наивно верила, что рано или поздно этот кошмар закончится, и наше долгое терпение обязательно вознаградится счастливой, белой полосой. Но все плохое только продолжается... И вот мы здесь.

Внезапно под потолком раздался резкий, оглушительный зуммер, заставивший всех нас вздрогнуть. Он подозрительно напоминал школьный звонок.

— Время на прием пищи окончено! Всем немедленно разойтись по своим комнатам! — скомандовал вошедший в зал дежурный охранник. — Рекомендую хорошенько выспаться. С завтрашнего дня стартует следующий этап эксперимента.

И снова перед нами замелькали бесконечные лабиринты серых коридоров, приведшие в комнату, которая за столь короткий срок успела стать нам родной, но от этого не перестала быть нашей клеткой.

Лиам

(Сразу после посещения столовой)

Едва нас отстегнули от тяжелых железных стульев, мы с парнями, дезориентированные и уставшие, побрели по коридору в сторону жилого блока. Поначалу строй держался относительно ровно — точно так же, как когда нас вели на этот ужин. Но стоит только толпе осознать, что за нами никто пристально не следит, а в промежутках между жилыми секциями отсутствует вооруженная охрана, как моментально рождается хаос.

Самый рослый на вид парень — и, судя по всему, самый непроходимый идиот в нашей партии — внезапно решил провозгласить себя лидером сопротивления. Издав дикий боевой клич (чем громче орешь, тем страшнее — видимо, так работал его мещанский мозг, хотя подобные правила применимы разве что в мире диких животных), он поверил в себя и повел за собой стадо таких же недалеких парней брать штурмом кухонный блок.

Персонала в столовой к тому моменту оставалось немного. Я искренне не понимал, какие шестеренки крутились в головах этих болванов. Возможно, они наивно полагали, что если прирезать безоружную повариху, то в карманах ее фартука волшебным образом обнаружатся ключи, открывающие все бронированные двери этого бункера? Или они надеялись разжиться на закрытой кухне нормальными разделочными ножами? Последнее звучало бы относительно разумно, если бы эти ножи не противопоставлялись автоматическому огнестрельному оружию.

Разумеется, я в этой самоубийственной авантюре участвовать не собирался.

Да, в тот момент на меня смотрели как на последнего труса. Да, меня грубо оттолкнули плечом и — о Боже! — обозвали ничтожеством. Но, как по мне, жертвовать собственной шкурой имеет смысл только тогда, когда план просчитан до мельчайших деталей и когда тебе действительно есть ради кого умирать. А совершать глупый суицид ради чужих амбиций — увольте.

Сквозь распахнутые двери я из коридора хладнокровно наблюдал за развитием событий. Этот верзила умудрился подхватить тяжелый железный поднос и за счет эффекта неожиданности (удивительно, как ему это вообще удалось после его громогласного вопля) с размаху вогнал его острый край прямо в незащищенное горло оставшегося в зале надзирателя. Того самого, который еще пару минут назад лениво отстегивал нас от стульев, а после вовсю флиртовал с раздатчицей.

Повариха завизжала, как резанная свинья, и судорожно ударила ладонью по скрытой кнопке тревоги под прилавком — о существовании которой ни один из этих гениев восстания, естественно, не догадался.

Впрочем, пуля, с глухим хлопком украсившая лоб предводителя с подносом, оказалась значительно быстрее подкрепления.

«Засада», — мгновенно пронеслось у меня в голове.

Я успел среагировать и присесть на корточки за секунду до того, как из темного кухонного пролета показалась фигура в камуфляже и зловещей красной маске. Оперативник хладнокровно держал сектор под прицелом.

Вообще я на миг предположил, что сейчас этот палач просто перестреляет здесь всю толпу к чертовой матери, поэтому постарался как можно глубже вжаться в стену за косяком двери. Но нет. Он ограничился лишь одним точным, показательным убийством зачинщика, чего с лихвой хватило, чтобы мгновенно остудить пыл всей остальной оравы.

«Ну конечно, — цинично подумал я, осторожно поднимаясь. — Мы для них — дорогостоящий биоматериал, каждый подопытный на счету. Так глупо и массово истреблять нас им попросту невыгодно. А вот намеренно спроектировать ситуацию, в которой мы почувствуем призрачный глоток свободы, чтобы оперативно вычислить вольнодумящего лидера и прилюдно его ликвидировать — это стратегически гениальный ход».

— По комнатам. Быстро, — повторил глухой голос из-под красной маски.

И этого короткого приказа вполне хватило. Все оставшиеся в коридоре придурки, включая тех, кого щедро окропило кровью их незадачливого товарища, мгновенно развернулись и, сверкая пятками, в панике попрыгали по своим норам.

«Хорошо хоть Бельчонок не видела этого ужаса, — подумал я, заходя в свою секцию и закрывая за собой дверь. — Надо будет обязательно узнать ее настоящее имя...»

Глава 9

За нами долго не приходили. Я лежала в постели, устремив взгляд в белоснежный потолок, и нервно размышляла. *«Что-то тут не так, они должны были прийти еще семь часов назад»*. Часы показывали 13:00.

Бети оказалась соней, жившей по принципу: «Спи, пока не разбудят». Я же была слишком напряжена. Поняв, что лежанием ничего не добиться, я решила встать и одеться, чтобы быть готовой ко всему. Этот выбор оказался как раз кстати: стоило мне начать натягивать свободные хлопковые штаны — нашу ежедневную форму, — как дверь резко отворилась.

Хельвед вошел без помощников. Мой вид его смутил: я застыла в странной позе, удерживая ладонями ткань на талии, чтобы штаны не спали и не оголили бедра, — зашнуровать пояс я просто не успевала. Демон медленно прикрыл за собой дверь и отвернулся.

«Он что, дает мне возможность одеться?»

Его взгляд был устремлен на кровать моей соседки. Услышав, что я перешла к ботинкам, он обернулся.

— Обувь не надевай. И не буди девушку, за ней придут позже.

— Почему? У нас отдельные испытания?

— Угадала. Комнат для нового эксперимента всего восемнадцать, по одной на человека.

— И чем же будет заниматься оставшийся напарник?

— Переживаешь, что с тобой не разделят мучений? — Хельвед хмыкнул. — Другие будут изучать искусство ведения боя, а после вы поменяетесь местами, и на эксперимент пойдет твоя напарница.

— А зачем нам уметь драться? Хотите повторить ошибки города Капуя при восстании Спартака?

— Во-первых, не драться, а защищаться. А во-вторых, вы не сможете сбежать или противостоять нам.

— Лентул Батиат так и говорил.

— Кто это такой? — с раздражением уточнил Демон.

— Глава гладиаторского дома.

— Любишь историю? Сегодня я тебе её преподам.

Он грубо перехватил мой локоть и поволок вон из комнаты. Бети так и не увидела моего исчезновения, а я не знала, когда мы вновь встретимся и встретимся ли вообще.

Я оказалась в крошечном помещении, которое уступало размерами даже нашей спальне. Стены были выкрашены в угольно-черный цвет, на потолке лениво покачивалась голая лампочка на проводе, а пол представлял собой обнаженную железную стяжку, не до конца залитую цементным раствором. Посередине стоял прикрученный к основанию крохотный табурет. В самом центре дальней стены зияла большая дыра, уходящая в темноту и перекрытая решеткой.

Ёкай прошел вслед за мной.

— Добро пожаловать на второй круг Ада. Он представляет собой целый комплекс, но все исследования сводятся к одному — влиянию бессонницы и её последствиям.

Произнеся слово «бессонница», Хельвед словно погрузнел.

— Я проведу инструктаж перед началом эксперимента, а ты должна будешь сделать правильные выводы, чтобы суметь выжить.

— Для чего ты это делаешь?

— Я сделал тебе больно в прошлый раз

— Это твоя работа.

— Это моя ошибка. И ты мне еще нужна живой.

«В каком плане — нужна?» — пронеслось в голове.

Прервав заминку, Демон сухо перешел к объяснениям: — Итак, пагубное и смертельное воздействие будет происходить из-за инфразвука, электрического тока, продолжительного одиночества, темноты и, конечно, депривации сна. Пройдемся по порядку.

Инфразвук — это колебания, имеющие низкую частоту и большую длину волны, из-за чего наши барабанные перепонки к ним не восприимчивы. Однако это не мешает ему разрушительно влиять на весь организм, заставляя внутренние органы и сердце сокращаться в чуждом, навязанном ритме. Высокое звуковое давление генерируется с подачи огромного динамика, — он указал рукой на отверстие в стене, — частота звука которого кратна длине волны. Через герметичную комнату осуществляется прокачка большого объема воздуха с резонатором. Всего будет три стадии увеличения волны: первая — 120–130 Децибел, вторая — 154 Дб, и третья — 180–190 Дб.

Далее — электрический ток. В нашем случае постоянный, он будет циркулировать по кабелям, которые ты видишь на полу. Разберем виды возможных травм.

Термические — подразделяются на некроз кожных покровов, мышц, тканей и костей, а также повреждение внутренних органов, кровеносных сосудов и нервных клеток.

Электрические — заключаются в изменении химического состава крови и лимфатической жидкости, что ведет к необратимым последствиям в организме: мутации ДНК, бесплодию и многому другому.

Биологические — раздражение живых тканей, связок и мускулатуры, приводящее к жестоким судорогам, в том числе гладких мышц стенок внутренних органов, например, бронхов и сердца. При длительном воздействии это выливается в паралич.

Механические — расслоение, растрескивание или разрывы мышечных волокон, кровеносных сосудов, легочных тканей и костей.

Есть еще металлизация кожи — крайне неприятная штука, возникающая из-за проникновения мелкодисперсных частичек расплавленного металла в эпидермис. В конечном итоге смерть может наступить от фибрилляции желудочков сердца, паралича дыхательных мышц или обширных ожогов.

Последствия продолжительной изоляции: усиление глубинных психотравм, развитие тяжелой депрессии, патологии сердечно-сосудистой системы, хронический стресс.

Из-за тотального нарушения сна возникают скачки артериального давления и язвенная болезнь, учащаются панические атаки. Через трое суток ты станешь частично недееспособной, через пять — появятся стойкие галлюцинации, а спустя семь суток наступит терминальная стадия: пропадает способность формулировать речь, исчезает реакция на внешние раздражители, утрачивается функция узнавания окружающих.

Чаще всего подопытные сталкиваются именно с галлюцинациями. Они делятся на зрительные, слуховые, обонятельные, реже — осязательные. Последние проявляются в тандеме с остальными как осязаемое «нечто», что трогает тебя или пытается причинить вред. Бывают псевдогаллюцинации и истинные галлюцинации. Первые проецируются во внешнее пространство и воспринимаются как реальные объекты, вторые — происходят исключительно внутри сознания, как, например, внутренние голоса. Существуют еще гипнагогические и гипнопомпические — обман восприятия во время перехода ко сну или сразу после пробуждения, в народе это зовется «сонным параличом», хотя у этих феноменов есть различия.

Все это приводит к критическому снижению иммунитета, синдрому дефицита внимания, эмоциональным вспышкам, а затяжное пребывание в таком состоянии влечет за собой необратимое замедление мышления и потерю кратковременной памяти.

Все время, пока он говорил, я терпеливо ждала, чтобы спросить о кое-чем, по-настоящему меня зацепившем. Заметив мой взгляд, Хельвед прервался.

— Что такое?

— Можно задать вопрос?

Я пофантазировала о том, как в удивлении взметнулись его брови под маской, но Демон лишь ответил глухим молчанием.

— Почему ты вдруг стала такой послушной?

— Перед смертью не надышишься. И раз уж я останусь здесь одна на несколько дней, хочу узнать то, что меня интересует, чтобы было о чем поразмыслить в темноте.

— Ты умрешь не сегодня и не в этом эксперименте, — отрезал он, проигнорировав остальную часть моих слов.

— Почему ты так уверен?

— Потому что я этого не допущу.

Теперь в недоумении замолчала я. И хотя он произнес это с привычным безразличием, для меня эта фраза прозвучала весомо, многозначительно.

— Спрашивай, что хотела, — вернул меня к реальности его голос.

Собрав мысли в кучу, я озвучила свой вопрос:

— Когда ты говорил о бессоннице Ты описывал её так, будто знаешь все на личном опыте.

— Заметила Готова послушать историю из моей жизни? — горько усмехнулся Ёкай.

— Да. Конечно.

Он подошел и тяжело опустился на табурет, словно немощный старик, на которого в один миг навалились все тяготы мира. Было видно, с каким трудом ему дается подбор слов.

— Людям хочется быть уникальными даже в своем горе. Старики меряются плохим здоровьем, взрослые — количеством переломов, а дети — болью от выдеранного зуба. Все мы хотим просветить других в своем несчастье, понять, что ты не один такой страдалец, или, наоборот, — абсолютно одинок. Когда мне было пять лет, в моей жизни кое-что произошло. Это привело к тяжелому депрессивному эпизоду, который растянулся на следующие семь лет. Уже тогда, будучи маленьким ребенком, я полностью потерял доверие к родителям. От меня отмахивались, мне не верили, не хотели решать проблему или хотя бы просто поговорить на волнующую тему. Поняв, что помощи ждать не от кого, я справлялся сам. Это было невыносимо, мне казалось, что я умираю, но я никогда не думал о прекращении мучений путем самоубийства — я слишком любил саму жизнь и остро ощущал, что обязан родителям за то, что они мне её дали.

Тем не менее справлялся я паршиво. Из-за перманентного стресса посыпался весь организм. Появились провалы в памяти. Когда мама забирала меня из детского сада и задавала обычные вопросы: «Как прошел день? Что вы учили? Что ты ел?» — я судорожно копался в голове и не мог вспомнить ровным счетом ничего. Все существовало в виде рваных отрывков, будто в эти мгновения я просто выпадал из реальности. От этого осознания становилось жутко. Я начал закатывать истерики, кричал, что мне нужна помощь, врач, лекарства! Но мне снова не поверили. Тогда мама просто сходила в аптеку, принесла обычный мармелад с витаминами и сказала, что это «таблетки от всех болезней». Я верил, принимал их. Не помню, был ли эффект от самовнушения, но родителям стало спокойно — моих слез они больше не видели.

Настроение постоянно скакало, мне было трудно заводить друзей, я рос молчаливым, замкнутым и глубоко депрессивным ребенком. Меня было легко вывести из себя. Чтобы не портить отношения с семьей и окружающими, я занялся селфхармом — направлял агрессию на самого себя. Сперва это проявлялось в расчесывании мелких ран, царапин, сдирании свежих корочек. Позже я стал выжигать на теле глубокие язвенные воронки, до пяти миллиметров в глубину, которые просто не успевали затягиваться. Я калечил себя в скрытых местах: на сгибах конечностей или на голове, пряча болячки под волосами.

Вот на этом я и попался. Окружающие стали замечать у меня непроходящую «перхоть», хотя на самом деле это были ороговевшие частицы подсыхающих корок. Когда в школу нагрянула ежегодная проверка на кожных паразитов и грибок, все пальцы сразу указали на меня. Я вспылил, яростно сопротивлялся, ведь прекрасно знал, в чем дело. Но против меня были все.

Учителя грозили сделать меня изгоем и силой заволокли в медкабинет, где врач осмотрел мою голову под лупой. Он пришел в ужас. Тотчас вызвали родителей, а остальным детям соврали, что я чист.

Мама тут же дома занялась моим «лечением». Было адски больно: специальный шампунь разъедал израненную кожу, а вода жгла сильнее, чем спирт, залитый в открытую рану. И тогда у меня появился новый способ причинять себе боль. Я намеренно ошпаривал поврежденную кожу кипятком, чтобы кровь сворачивалась быстрее. Это грозило образованием тромбов, но мне было плевать. С тех пор я привык как к экстремальному закаливанию, так и к намеренному термическому воздействию, что сделало мою кожу в разы менее чувствительной к ожогам.

Но все это меркло по сравнению с главным кошмаром, который изувечил мою нервную систему на всю оставшуюся жизнь. Бессонница.

Я даже не помню, с чего именно все началось. Просто накопившиеся переживания вылились в хроническую неспособность засыпать. Я не боялся темноты — нет, я её ненавидел. Когда мы всей семьей смотрели телевизор перед сном, и я бросал взгляд на часы, внутри все сжималось от понимания: пора ложиться. В моей голове набатом стучала часовая стрелка, а мамин голос, желавший мне «доброй ночи», доносился словно из-под толщи воды. Я заранее знал, как пройдет эта ночь, как вновь начнется моя изнурительная борьба с невидимым врагом. Я физически не мог уснуть. Организм отключался лишь от глубокого переутомления, но это был настолько поверхностный, пограничный сон, что я продолжал слышать все вокруг: определял, кто встает ночью и сколько раз, о чем бормочут соседи сверху. А когда открывал глаза, то не понимал, спал ли вообще и сколько времени прошло. Тело не получало отдыха.

Состояние усугублялось днем, я стал терять сознание прямо на уроках. Какое-то время учителя прикрывали меня, пару раз даже благородно позволяли втихую дремать на парте, но потом все же доложили родителям, подозревая затяжной семейный конфликт.

Затем пришли яркие, пугающие галлюцинации. Стало почти невозможно отличать объективную реальность от порождений воспаленного разума. Пару раз я гнался за незнакомцами, которые растворялись в глухих тупиках, со мной разговаривали чужие голоса, слышные мне одному. В такие моменты невероятно трудно делать вид, что ты в порядке. Когда я все-таки решился рассказать об этом матери, единственное, что изменилось — её пронзительный, подозрительный взгляд. Она постоянно ловила меня во время очередного помутнения, вычисляя его по моим бегающим зрачкам, когда я судорожно выискивал в пространстве невидимую фигуру или источник звука.

Потеря кратковременной памяти, аппетита и сна, истощенный иммунитет на фоне общего психоза в конце концов привели меня в кресло психолога, а позже — к сомнологу. Первичным диагнозом подозревали «Фатальную семейную бессонницу» — редчайшее, неизлечимое и крайне опасное генетическое заболевание. Из-за слабой изученности феномена диагноз так и не подтвердили официально, и каким-то чудом мне удалось подавить дальнейшее развитие симптомов. Тем не менее этот ад нанес колоссальный урон моему растущему организму, нервной системе и восприятию мира. А чуть позже стал одним из главных стимулов для моего маниакального физического развития.

Молча слушая его пугающую искренность, я думала: *«Одно здание собрало под своей крышей людей со сломленным, ужасным прошлым. Все мы когда-то обращались к психологам. Но одни из нас стали беспомощными подопытными, а другие — жестокими тиранами-экспериментаторами. И кто, черт возьми, за всем этим стоит? Как происходило это распределение? Слишком много вопросов».*

Глава 10

Хельвед, проинформировав меня и излив душу — за что я в глубине души была ему благодарна, — покинул помещение. Первый день эксперимента начался.

Едва за Демоном захлопнулась дверь, вся система ловушки ожила. По комнате разлился странный, всепоглощающий гул. Невозможно было определить, откуда он доносился: шёл ли от стен или вибрировал внутри меня самой. Впрочем, я отбросила догадки, стоило мне бросить взгляд на дыру в стене, скрывающую мощный динамик.

Меня окружала почти крошечная темнота, которую едва разбавлял приглушенный ультрафиолетовый свет лампочки. Комната была полностью изолирована: я не слышала ничего извне, и никто снаружи не услышал бы меня. Здесь шутки закончились. Мой дух еще не был сломлен, но я четко осознавала — помощи ждать не от кого.

Сиденье прикрученного к полу табурета казалось довольно просторным, но это едва ли могло спасти ситуацию: от усталости ноги могли отказать в любой момент. По полу уже пробегали едва заметные искры, вспыхивавшие ярче в местах переплетения кабелей на оголенной стяжке — признак постоянного циркулирующего тока.

Аккуратно присев, я опустила руку вниз, досчитала до трех и коснулась пальцем оголенного провода.

Боль пронзила мгновенно. Легкая, но уродливая и неприятная, она прокатилась волной по предплечью и заземлилась где-то в корпусе, взбудоражив нервные окончания. Правое веко тут же дернулось в резком тике — мерзкое ощущение. Около двух секунд я физически не могла оторвать руку от пола: мышцы сковал кратковременный паралич. Казалось, неведомая сила намертво удерживает пальцы на металле, а затем, словно в насмешку, резко отпускает, да так, что мне пришлось изловчиться, чтобы не рухнуть кубарем.

— Ток порядка сорока-пятидесяти миллиампер, — выдохнула я в темноту.

Это была первая, самая шадящая стадия. Непонятно только, через какое время мощность решат увеличить.

Родители, конечно, учили меня в детстве не совать пальцы в розетку, но сейчас это был единственный доступный способ проверки. Повторять его не хотелось, но расчет был необходим.

— Это всего лишь палец. Его потеря, если что, поможет спасти все остальное тело. Я докажу им, что я не глупая девчонка, я сообразительная. Я выживу всем назло.

План состоял в том, чтобы попытаться уснуть прямо сейчас. Настоящее безумие, учитывая, что их главная цель — депривация сна. Однако пока сила разряда невелика, я могла урвать немного сил на предстоящие сутки. Даже если я упаду, вероятность получить тяжелые увечья сейчас гораздо ниже.

Свесив ноги с табурета, я уперлась стопами в перекладины, соединяющие деревянные ножки между собой.

— Повезло нам с Бети. Рост меньше, чем у парней, ноги короче — значит, можно зацепиться. Им-то явно придется все время стоять на весу, напряжение на суставы сильнее, и усталость скосит их быстрее.

Бети Ей действительно повезло. Когда я выберусь отсюда, то смогу дать ей четкие инструкции, как выжить, когда мы поменяемся местами и на тренировку отправлюсь уже я.

«Еще и одели как шлюху. Точнее — почти полностью раздели», — с негодованием подумала я, осматривая себя в фиолетовом полумраке. Привычную форму сменили на подобие ультракоротких льняных шорт и куцый топик, который был мне откровенно мал. И больше ничего.

— Ублюдки. Хотят, чтобы при падении как можно большая площадь кожи соприкоснулась с полом. Чувствую, количество смертей здесь скоро прибавится Хорошо хоть Хельвед

никак не отреагировал на мой вид. Наверное И почему меня вообще волнует мнение этого палача?!

И хотя сегодня этот Демон впервые показал себя человеком, я все равно не понимала его. Наверное, потому что сама не переживала того ада, через который он прошел в детстве. И все-таки ему нет оправдания за то, что он творит здесь и кого поддерживает. Мне его жаль, ведь он чудовищно ошибается Или ошибаюсь я?

Я бормотала это себе под нос, постепенно проваливаясь в тяжелую дрему. Тело сгорбилось, вес головы переместился на подставленные локти, и глаза закрылись.

Через несколько часов мои предплечья медленно, но верно поползли в стороны. Потеряв точку опоры, я ласточкой полетела вниз, прямо на оголенные кабели.

Падение было резким, и лишь когда боль достигла своего апогея, я с диким криком открыла глаза. Зацепившись ногами за перекладины табурета, я из последних сил пыталась оторвать ладони от пола. В воздухе мгновенно разлился приторный, тошнотворный запах паленой плоти. Все искры, что до этого лениво бегали по проводам, казалось, стянулись к моим рукам, выжигая кожу до костей. Я видела, как эпидермис на кистях отслаивается и лопается, словно я была рептилией, сбрасывающей старую шкуру — вот только вместе с ней уходила живая ткань.

Комнату заполнил не только усилившийся инфразвук, напоминающий мерзкий свисток или нарастающий до звона шум в ушах, но и мои собственные крики отчаяния. Слезы струились по щекам, капали с подбородка и с шипением испарялись на раскаленной электрической ловушке, словно капли воды на сковородке с маслом. Собрав всю волю в кулак и закричав что есть мочи, я сумела рвануть корпус назад и вырвать ладони из плена парализующего тока.

Поднеся их к лицу, чтобы оценить масштаб катастрофы, я содрогнулась. Мои кисти и без того были испещрены старыми шрамами от занятий таксидермией, но теперь поверх них зияли глубокие обугленные борозды с сорванными лоскутами эпидермиса. Правду говорят, когда сравнивают хрупкость человеческого тела с листом бумаги: моя кожа сейчас напоминала тонкую, влажную салфетку с небрежно оборванными, сочащимися краями.

Мной завладел сильнейший шок. Дыхание перехватило, глаза безумно бегали по собственному телу, подгоняемые жалостью к себе и подступающей, сокрушительной болью. Руки крупно дрожали. На месте ожогов ткань на глазах надувалась, покрываясь уродливыми водянистыми волдырями. Помня правила первой помощи, которым учил отец, я знала: вскрывать их ни в коем случае нельзя.

— Ожог второй степени, — прошептала я сквозь зубы, с трудом сдерживая стон.

Крепче зафиксировав ноги на перекладинах, я нагнулась всем телом вперед, дотягиваясь до края шорт. Перехватив зубами тонкую льняную ткань, резко дернула головой. Ткань с треском поддалась, лопаясь по шву вдоль бедра и ягодицы. Кое-как, помогая себе зубами и уцелевшими пальцами, я принялась туго оборачивать полученную полосу вокруг левой ладони. Затем проделала ту же мучительную процедуру для правой.

Странно, но в эти секунды сознание оставалось абсолютно чистым. Не хотелось никого материть, не было злости на весь мир — существовала лишь одна первостепенная задача: защитить себя, чтобы выжить. Главным правилом в любой экстремальной ситуации было не поддаваться панике и заставить себя успокоиться.

Вот только моему успокоению мешал инфразвук. Судя по всему, ловушка переходила со первой стадии на вторую, увеличивая давление до 154 децибел.

Пульс зашкаливал, боль полностью подчинила себе конечности, кожа под импровизированными бинтами горела так, что хотелось разодрать её ногтями. Пронзительное, невидимое давление разрушительно влияло на внутренние органы: накатила неконтролируемая, животная паника, артериальное давление поползло вверх. Все тело вибрировало в унисон с частотой волны. Сердце, казалось, сорвалось со своего места и теперь бешено колотилось по всему

организму, отзываясь пульсацией то в животе, то в горле. Кровь тяжелыми толчками прилила к вискам, но я даже не могла помассировать их из-за покалеченных пальцев. Хотелось выть от собственного бессилия.

«Так, соберись, тряпка Возьми себя в руки».

— Исходя из того, что ток и инфразвук увеличились, можно считать, что пошел второй день, — хрипло констатировала я, разглядывая обмотанные ладони и осторожно шевеля пальцами. — Из плюсов: нервные окончания вроде бы целы, ожог не обширный, и я успела немного поспать. Из минусов: Хельвед не уточнил, сколько продлится этот ад. И, судя по всему, еды и воды здесь не предвидится. Значит, я проторчу тут максимум дней семь — предел для человеческого организма без влаги. И какого хрена этот Демон не упомянул обезвоживание, когда перечислял побочные эффекты?! Ладно. Один день позади

Время тянулось неимоверно долго. Дремать или, тем более, пытаться уснуть желания больше не возникало. Надежным предохранителем служили зудящие ладони, отзывавшиеся непрерывающейся болью, похожей на укусы сотен огненных муравьев.

Чтобы отогнать навязчивые мысли, которые так хорошо были знакомы мне по годам одиночества в родительском коттедже, я принялась вспоминать все известные стихотворения, цитировать вслух любимые книги и даже тихонько петь.

Я всегда любила петь. В детстве я тяжело страдала от астмы и долгое время не могла носить обтягивающие вещи, даже простые девичьи топики и бюстгальтеры — любое сжатие грудной клетки вызывало панику, перерастающую в удушье. Сейчас-то я понимаю, что это была чистой воды психосоматика, но тогда, будучи ребенком, я яростно спорила с отцом, который заставлял меня устраивать тяжелые пробежки по лесу, бывшие мне не под силу.

Так начался мой путь борьбы и развития дыхательной системы. Я росла перфекционисткой, всеми силами старалась заслужить одобрение родителей, поэтому все, что казалось мне несовершенным или недостойным их внимания, я предпочитала скрывать до тех пор, пока не доведу до идеала.

Огромный пустой дом и частое отсутствие матери с отцом идеально подходили для тайных репетиций. Сперва тихо, затем все увереннее и громче я училась переступать через свои страхи. В конце концов те сложные вокальные партии, на которые мне раньше банально не хватало воздуха, подчинились. Я перепевала их снова и снова, мой голос с точностью до тональности, пауз и резонанса копировал оригинальное исполнение певиц. Вот только я так и не набралась смелости выступить перед мамой и папой А теперь уже не выступлю. Никогда.

«Ну вот, опять скатилась в жалость к себе»

Попытка занять мысли разговорами с самой собой сделала только хуже. Во рту мгновенно пересохло, легкие горели — количество кислорода в герметично запертом помещении стремительно снижалось.

И в ответ на мои мысли о детской астме, словно по закону подлости, мощность инфразвука снова скакнула вверх.

Дышать стало невыносимо тяжело, голова закружилась, все тело забило в крупной дрожи, будто я оказалась на палубе попавшего в шторм корабля, где меня швыряло из стороны в сторону, как тряпичную куклу. Из-за этой ментальной «морской болезни» к горлу подступили резкие рвотные позывы. От мысли, что сейчас наружу выйдет единственная питательная база и я просто умру от истощения, я попыталась судорожно подавить спазмы. Еще большим стимулом стало осознание того, какой запах заполнит эту герметичную коробку на все оставшиеся дни, если желудочный сок попадет на провода и подпалится током, пустив едкий вонючий дым.

В довершение всего меня накрыло удушье. Кислородное голодание мозга было столь сильным, что я балансировала на грани безумного бреда и глубокого обморока. Все это время

мои израненные, сочащиеся сукровицей руки сквозь содранную ткань мертвой хваткой цеплялись за края табурета, как за единственный спасательный круг в этом черном океане.

Глава 11

Глава 11

Свежий, морозный, бодрящий поток воздуха ласкал мое лицо, принося с собой редкие снежинки. Тая на коже, они дарили обманчивое чувство умиротворения и абсолютной свободы.

— Эмма! Долго тебя еще ждать?

Я обернулась. Навстречу мне, настороженно озираясь по сторонам, шёл высокий мужчина в теплой камуфляжной куртке с меховым капюшоном. При виде ружья в его руках все мое естество непроизвольно содрогнулось, хотя в тот миг я не поняла причин этой подсознательной судороги. Подняв взгляд выше, я натолкнулась на болезненно знакомые черты: угловатое лицо с резко очерченными скулами, благородная седина, пробивающаяся сквозь густую щетину, и тяжелые надбровные дуги, из-за которых его вид всегда казался хмурым. Однако этот суровый образ полностью опровергали озорные глаза цвета заката, переходящего в глухую ночь.

Я уставилась на него так, словно мы не виделись долгие годы. *«Как же ты постарел...»*

Глубокая вертикальная морщина залегла у него на переносице, три волнообразные складки параллельно друг другу пересекали кожу лба, а некогда гладкие каштановые волосы теперь напоминали жесткую солому.

«...А может, ты всегда был таким? Просто мне хотелось помнить тебя лучшим, чем ты есть на самом деле».

— Ну ты чего зависла? — окликнул он. — Я только что набрёл на свежий волчий след. Пошли, пока зверь не ушёл глубже в чащу.

— Да, папа.

Это был мой отец, Генрих Ларсен.

Я послушно двинулась за ним, поудобнее перехватывая свое гладкоствольное ружье двенадцатого калибра. Отец обучил меня стрелять практически из любого оружия, имевшегося в нашем доме, но для охоты я предпочла именно этот вариант. Двенадцатый калибр оказался легок в освоении и часто «прощал» ошибки прицеливания, а доступность гильз изрядно помогла сэкономить на моих тренировках. Единственным серьезным минусом оставались сильная отдача и ощутимый подброс ствола — при быстрой стрельбе можно было конкретно отбить плечо.

Отец же сегодня нёс двадцатый калибр — оружие с отличной кучностью пулевой стрельбы, практически не оставляющее подранков. Оно не пользовалось широкой популярностью, поскольку предъявляло жесткие требования к навыкам стрелка.

— Либо ты попал белке в глаз, либо полностью промазал, — любил повторять он.

Зато такое ружье привлекало низким расходом пороха и дроби, малым весом и компактными габаритами.

Не прошло и получаса, как я едва не налетела на его спину: Генрих резко пригнулся, изучая и ощупывая примятый снег.

— Никаких резких движений и звуков. Он совсем рядом, — монотонно проговорил отец. Он произнес это так обыденно, словно сидел дома за обеденным столом и читал привычную вечернюю молитву.

Мое сердце испуганно подпрыгнуло к самому горлу, я судорожно сглотнула вязкий ком. Наказав мне оставаться на месте, отец бесшумно прошел вперед на несколько метров.

Внезапно звук его отдаляющихся шагов поглотил другой шум — стремительное, тяжелое приближение крупного хищника. Слева от меня, ломая кусты и мелькая между стволами деревьев, мчался волк. Я оторопела. В жизни я не видела столь величественного существа. Это была крупная волчица с невероятно густым, пушистым мехом — белоснежным, со слегка

сероватым отливом то ли от налипшей грязи, то ли от природного окраса. Единственным изъяном в её дикой красоте было глубоко разорванное ухо. Без сомнения, это была она.

Мое сознание швырнуло меня на много лет назад, в день, когда к нам приехал дедушка с подарком.

— Это поистине особенный дар, моя дорогая Эмма, — говорил тогда старик. — Он — символ абсолютной преданности, силы духа и материнства. То, к чему ты должна стремиться.

Откинув тяжелую атласную ткань, дедушка отошел в сторону, и моему взору предстал крошечный щенок с глазками-бусинками и забавным крючковатым хвостиком. Неуклюжий, с короткими толстыми лапами и мокрым носом. Был лишь один леденящий душу нюанс в моей детской радости... Малыш не был живым.

— Это чувело мне пришлось отвоевывать у его матери, совсем молоденькой волчицы.

— Ты отнял волчонка прямо у его мамы?! — ужаснулась я.

— Ты не должна их жалеть, Эмма, это естественный порядок вещей. Люди, как и любые другие существа, находятся в пищевой цепочке. «Выживает сильнейший» — этот закон известен всем.

«Только вот ни одно животное в мире не стало бы убивать чужого детеныша ради того, чтобы сделать из его трупа куклу», — подумала я тогда.

Проигнорировав его поучения, я тихо спросила:

— А где его мама?

— Она жива, не беспокойся.

— Почему же ты не убил и её?

— Она заслужила право на жизнь.

«А волчонок, значит, нет?» — мысленно огрызнулась я.

— В каком смысле — заслужила?

— Любопытная девчонка. Что ж, слушай. В былые времена я любил охотиться в одиночку. Был жутким одиночкой. Мне не хотелось ни с кем делить добычу, соперничать за право первого выстрела. К тому же «аккуратного» убийства, предполагающего минимальные повреждения шкуры ради качественной таксидермии, сложно добиться, когда твой товарищ палит дробью куда попало или мажет, разрывая мех. Когда ты предоставлен самому себе, ты, как истинный хищник, слышишь лишь собственные шаги и стук своего сердца. Правда, однажды такая самонадеянность чуть не стоила мне жизни...

Как-то раз я неделями выслеживал волчицу. Она намеренно путала следы, уводя меня как можно дальше от своего логова, потому что там прятались новорожденные щенки. И я загорелся идеей заполучить одного из них, чтобы сделать безупречный, уникальный экспонат. Маленькие дети тяжело переживают потерю питомцев — от крошечного хомяка до преданной собаки. Я же увековечиваю любое создание. Это бессмертный друг, даже больше — это осязаемый предмет твоего личного триумфа.

Выслеживание, охота, бескомпромиссная борьба за выживание, убийство и последующее создание куклы — чертовски увлекательные занятия, которым я посвятил всего себя. Мое хобби — досконально понимать повадки зверей, просчитывать их шаги наперед, чтобы в итоге обернуть эти знания против них самих. Что-то вроде работы двойного агента.

Вообще, человечество почти всё позаимствовало у дикой природы. Кошки помогли нам создать светоотражатели благодаря уникальному строению сетчатки их глаз, а также натолкнули на идею выдвижных лезвий. Изучение строения совиных перьев, содержащих тончайшие волокна и микроскопические деления, позволило изобрести высококлассный звукоизолирующий материал — ведь именно эта анатомическая особенность позволяет совам бесшумно подлетать к жертве. Пауки с их нитями стали прообразом для создания прочных сетей и эластичных бинтов. Даже самые, казалось бы, незначительные твари под влиянием среды развивают феноменальные способности. Омары из-за колоссального давления на глубине обрели

способность видеть сквозь предметы — и у человека появился рентген. Инфракрасные датчики подсмотрели у змей. Роботизированный манипулятор и протезы — копия слоновьего хобота. Принципы GPS — миграция перелетных птиц. Я уже молчу про авиацию и закрылки, полностью скопированные с пернатых. Человечество всегда будет использовать животных в своих целях, поэтому я не считаю себя палачом.

— Но почему ты так неистово захотел заполучить именно волчонка? — не унималась я.

— Видишь ли, хрупкие, новорожденные организмы невероятно сложно потрошить. Снимать скальп и набивать их так, чтобы сохранить первозданную анатомию и не деформировать пропорции — это высший пилотаж. Все посредственные таксидермисты гордятся огромными макетами медведей, кабанов или лосей. Но истинное мастерство проявляется исключительно в мелочах.

Так вот, спустя недели мне удалось распутать ложные петли волчицы, и я вышел прямоком к логову. Это была небольшая, залитая солнцем поляна, в глубине которой лежало старое поваленное дерево с вывернутыми корнями, послужившее основой для убежища. На самом видном месте резвился крошечный щенок. Он увлеченно играл с обглоданной костью: подкидывал её вверх, ловил, неуклюже валился на бок и принимался грызть добела. Когда косточка, точно живое существо, выскальзывала из его лап, он грозно, но совсем по-детски рычал, вскакивал и снова нападал на «беглеца». Его взгляд был еще глупым, пушистый мех и носик испачканы в грязи, а оскал крошечных молочных зубов походил на широкую улыбку. Прелестное создание.

Я бесшумно перезарядил ружье. Матери поблизости не было. Медленно подошел к припорошенному снегом кусту у самого края поляны. Малыш не обращал на меня внимания, пока я случайно не задел стволом ветку. Осыпавшийся снег оголил дуло, просунутое сквозь ветви. Волчонок вскочил, привлеченный движением. Кость была забыта. Робко, но с задорным любопытством, еще не ведая, что такое danger, он стал приближаться ко мне. Вероятно, ему почудилось, что в кустах затаилась птица, и он, как будущий кормилец стаи, крался на полусогнутых лапках прямо к моему оружию. Я даже опешил от такой картины: затаив дыхание, смотрел, как его мокрый носик в упор обнюхивает металл. Запах пороха его не смутил, он приподнялся на задние лапы, потянулся выше, оголив беззащитное пузико и хрупкую вздымающуюся грудь. Короткое движение ствола и выстрел — прямо в сердце. Маленькое тельце отлетело от удара назад, упав на поляну рядом со своей косточкой.

Ярко светило солнце, озаряя место жизни волчьей семьи, место смерти щенка и моего будущего лучшего экспоната. Его лапки еще несколько секунд содрогались от посмертных мышечных сокращений, веко с густыми ресницами смотрело в никуда, и казалось, будто из глаза выкатилась слеза... Из хлюпающей раны толчками вытекала густая кровь, окрашивая шерсть малыша, которая жадно впитывала тепло, словно не желая его отпустить.

Так его и обнаружила мать — умиротворенно лежащим в собственной багровой луже.

Волчица вышла на поляну в тот самый момент, когда я показался из кустов, чтобы забрать трофей. В зубах она несла крупную дикую птицу. Увидев своего мертвого детеныша, она непроизвольно разжала челюсти — добыча выпала, а мать стремглав бросилась к остывающему телу.

Я поспешно отступил назад, стараясь вновь укрыться за ветками. Передо мной развернулась жуткая картина. Волчица, склонившись над щенком, принялась отчаянно утыкаться носом в его бок, пытаясь перевернуть и заставить встать — остаточные судороги лап ввели её в заблуждение, она до последнего верила, что он жив. Затем она привычно принялась вылизывать его, очищая испачканный мех, но вместо привычного запаха своего дитя натыкалась на соленый вкус и резкий металлический шлейф свежей крови. Стоило этой крови оказаться у неё на языке, как хищница резко отшатнулась. Её глаза странно блеснули, зрачки сузились до точек — в ней пробудился первобытный инстинкт. Мать, которая совсем недавно родила и всю

себя отдавала заботе о ребенке, сейчас, предельно истощенная, вдруг вкусила теплую кровь. Она жалобно заскулила, заметалась в экстазе отчаяния, борясь с диким соблазном растерзать плоть собственного волчонка.

Вскинув голову, она пронзительно, оглушительно завывала. Этот звук настолько напугал меня, что я сделал неосторожный шаг назад. Под моим сапогом с треском лопнула сухая ветка. Вой мгновенно оборвался. Обернувшись, безумная от горя мать обнаружила убийцу. Меня.

Зарычав, она бешено ощетибилась, готовясь настигнуть меня в один прыжок — расстояние вполне позволяло. Но я опередил её: вскинул ружье и открыл беглый огонь. Я знал, что, скорее всего, промажу, но череда оглушительных выстрелов спасла мне жизнь, обратив волчицу в бегство. Она уходила в чащу, но до последнего мгновения продолжала оглядываться на остающееся на снегу тело своего ребенка...

Я вложил всё свое мастерство в изготовление этого чучела. Волчонок получился именно таким, каким я его запомнил: полным жизни, беззаботно играющим на залитой солнцем поляне. Его кукольная морда выражала радость, из приоткрытой пасти виднелся мягкий искусственный язычок, а глаза-бусинки заменили качественные стеклянные протезы. Расположение смертельной раны на шерсти я замаскировал безупречно. Оставалось лишь прибить лапки к деревянной подставке, но я сильно устал и решил перевести дух, оставив работу на вечер.

Моя мастерская представляла собой пристройку к дому с просторным крытым навесом. Из неё внезапно донесся странный, шуршащий шум. Насторожившись, я поспешил туда. Дверь оказалась распахнута настежь. Переступив порог, я внимательно осмотрелся. Меня встретили четыре стены с декоративной кирпичной кладкой, два уютных кресла-качалки с бархатной обивкой, расстеленная на полу шкура медведя и камин с поленницей. Чуть поодаль стоял демонстрационный подиум, на который я обычно водружал готовые туши, чтобы любоваться своим трудом под бокал хорошего виски из бара. Рабочая зона находилась во второй половине здания, а здесь располагалась выставка для покупателей. На стенах висели мои любимые работы, с которыми я не мог расстаться: лоси, косули, лисицы, волки и огромные медведи.

На подиуме меня должен был дожидаться готовый волчонок, однако пополнить коллекцию решила его мать.

Видимо, всё это время она неотступно шла по моим следам и каплям крови своего щенка. Бедняжка до последнего надеялась, что её детеныш жив. Я лишь усмехнулся такой звериной глупости. Она стояла посреди зала в окружении мертвых чучел, крепко держа свое выпотрошенное дитя за холку, и глухо, предупреждающе рычала. Удерживать его в зубах ей удавалось с трудом: набитое опилками и химикатами тело больше не было податливым, поэтому она широко разевала пасть, лишь бы не выронить ношу.

При мне не было оружия, но и волчица из-за своего груза оказалась неповоротливой — её главные инструменты защиты были заняты. Пересилив страх, ведь показывать слабость перед хищником нельзя, я двинулся прямо на неё. Но звериная реакция оказалась быстрее. Отскочив в сторону, она мощным корпусом повалила несколько моих дорогих экспонатов, забаррикадировав ими проход, а сама молнией выскользнула в открытую дверь и скрылась.

Заминка вышла из-за того, что я был легко одет и совершенно не собран, пришлось снаряжаться на скорую руку. Как я ни старался, нагнать её по горячим следам не удалось. Стремительно темнело, начался буран, заметающий пазы. Я шёл с керосиновой лампой в руке, освещающая знакомый путь. Подойдя к тому самому кусту у поляны, погасил огонь и стал вглядываться в ночные силуэты. Поляна, которая днем разлучила семью, теперь воссоединила её — но лишь в воспаленном сознании матери.

Она прекрасно понимала, что логово раскрыто и здесь небезопасно, но рисковала жизнью из-за ударившего мороза. Опустив на окоченевший снег набитую куклу, она бережно вылизывала её шерсть, содрогаясь от стойкого запаха человека. Её глаза светились в темноте безумным, материнским счастьем.

Полностью погруженная в заботу об иллюзии живого сына, волчица не заметила моего приближения. Я вырос прямо за её спиной, на расстоянии каких-то двух метров. Ствол ружья был нацелен ей четко в загривок. Внезапно ветер переменялся, донеся до неё мой запах. В долю секунды наострив уши, она резко обернулась и метнулась в сторону. В этот раз я не колебался и нажал на спуск. Её тело рухнуло на снег. Скуля от невыносимой боли, она всё равно из последних сил подгребала к себе чучело волчонка, ластилась к нему, отчаянно пытаясь почувствовать хоть капли прежнего тепла. Хищница судорожно выгибала лапы, борясь с наступающей смертью, и непрерывно терлась носом о его стеклянные глаза. От её движений во все стороны летела песчаная пыль и сухой снег, в лунном свете эта сцена казалась пугающе интимной. Я возвышался над ней, не решаясь произвести добивающий выстрел. А она всё скулила, дико крутя мордой, будто слышала звуки, недоступные моему слуху. Только когда я очнулся от этого гипнотического оцепенения, то с удивлением заметил, что под волчицей совершенно нет крови, как нет и видимой раны на теле.

Мое промедление обошлось слишком дорого. Волчица просто была оглушена — пуля лишь начисто срезала ей верхнюю часть уха. Вспыхнув яростью, она мгновенно вскочила и мертвой хваткой вцепилась в мою ногу. Челюсти сомкнулись прямо на лодыжке, прошивая мышцы и сухожилия до самой кости. Сила укуса дикого зверя — колоссальные четыреста пятьдесят фунтов на дюйм, это не домашняя собака с её скромными возможностями.

Всё мое тело прошил разряд дикой, парализующей боли. Хищница возвращала мне всю причинённую ей муку и явно не собиралась останавливаться на одной ране. Её глаза по-прежнему сияли в темноте, но теперь это был блеск чистой, первобытной ярости. Она неистово мотала головой, трепля мою ногу из стороны в сторону и погружая клыки всё глубже. Я рухнул на то самое место, где секунду назад она сама корчилась от шока. Она не отпускала. Тогда я стал со всей силы бить её свободной рукой по морде, но волчица стойко принимала удары. Пальцами я судорожно цеплялся за промерзшую землю, чувствуя, как от натуги с корнем отрываются ногти. Она пыталась затащить меня вглубь поваленных корней, чтобы устроить окончательную расправу — оттуда я бы точно не вернулся. Вложив в финальный удар всё свое отчаяние, я точным пинком попал ей в чувствительный нос. Челюсти с хрустом разжались, и она с воплем отшатнулась.

Только благодаря этой заминке я сумел подобрать ружье, слетевшее во время падения. Руки крупно дрожали, тело не слушалось от болевого шока, я стремительно терял кровь, но из положения полулежа всё же сумел вскинуть ствол и выстрелить. Пуля с глухим стуком угодила прямо в чучело щенка — мать в последний момент закрыла его своим корпусом.

Оглушительный грохот в упор не испугал её. Напротив, она застыла как вкопанная. Морда была испачкана моей кровью, а в глазах застыло неизмеримое горе. Её взгляд был прикован к кукле, из пулевого отверстия в которой шёл легкий дымок — внутри не было крови, не было движения. Волчонок не заскулил, не позвал на помощь маму. И больше никогда не позовет. В этот миг она окончательно всё поняла. Как поняла и то, что теперь единственное, что ей нужно делать — это спасти себя.

Бросив на меня последний взгляд, полный почти человеческих слез, она растворилась в ночном лесу. Бежала, поджав хвост и прижав простреленное ухо, навсегда покидая место своего разрушенного счастья и сам смысл своей жизни.

Кое-как доковыляв до дома, я занялся раной. Из лодыжки был вырван внушительный кусок плоти, едва не обнажая кость, разорванные пласты кожи свисали лохмотьями, а само месиво было густо покрыто грязью вперемешку с подтаявшим снегом. Я промыл рану ледяной водой, а затем, зажав зубами деревянный брусок, сел в любимое кресло и щедро залил её крепким алкоголем из бара. На этом всё лечение и закончилось. Конечно, я периодически менял повязки, но не уделял укусу должного внимания. А ровно через неделю проявились первые симптомы.

— Мы как раз приехали с отцом навестить бабушку в тот период, — тихо продолжила Эмма, чей голос теперь звучал в такт затихающему бреду в камере. — Дед был слишком горд, чтобы просить о медицинской помощи. Все началось с банальной слабости и легкого недомогания, и мы решили остаться до его полного выздоровления. На общих обедах, сидя напротив него, я стала замечать странные вещи: произвольные подергивания пальцев и резкие мышечные спазмы. У него постоянно скакало давление, пульс зашкаливал. По утрам, застилая его постель, я обнаруживала, что простыни насквозь пропитаны липким потом. Через три дня он уже едва передвигался, его колотила жуткая лихорадка. Но худшее ждало впереди. Из-за колоссальной потери жидкости и невозможности её восполнить у него развился тяжелый спазм глотательной мускулатуры, началось обильное слюнотечение. Терминальной стадией стал жестокий паралич лицевых мышц, сковавший его лицо в так называемую «сардоническую улыбку». Спустя две недели бабушка умер в страшных мучениях от столбняка. Инфицированную рану врачи обнаружили только на вскрытии — до последнего вдоха он не подавал виду, что искалечен. Из-за анаэробных условий под стянувшейся грязной коркой бактерии развивались в тепле, превратив укус в гниющую язву. Последнее, что от него осталось — то самое чучело волчонка, испачканное его кровью и с пулевой пробоиной в боку. Оно перекочевало в мою комнату, став, как и завещал дед, символом мужества и самопожертвования. Вот только не его мужества, а той несчастной волчицы с простреленным ухом.

И вот, спустя столько лет, на охоте с отцом история повторилась. Словно в замедленной съемке: я перепрыгивала поваленное дерево, когда из чащи на меня коршуном рухнула эта самая белая хищница.

Где-то сбоку истошно кричал отец, но его команды тонули в оглушительном стуке моего собственного сердца. Волчица сбила меня с ног на снег, намертво прижав мои плечи к земле тяжелыми лапами.

— Стреляй! Ну же, стреляй, чего ты ждешь?! — надрывался он.

Мной завладел годами натренированный рефлекс: на стрельбище нажатие спускового крючка всегда было синхронизировано с резким приказом Генриха. Повинуясь этой слепой команде, я нажала на спуск.

Издав протяжный, глухой хрип, волчица рухнула прямо на меня. Её приличный вес отозвался тяжелым давлением — не столько физическим, сколько душевным. Я убила ту, о ком думала каждый вечер, глядя на её искалеченного детеныша. Я так страстно желала их воссоединения, и прямо сейчас своими руками отправила душу несчастной матери к её давно погибшему сыну.

Её крупная морда покоилась у меня на груди, язык безжизненно свесился из пасти — точь-в-точь как у того экспоната из моего детства. А глаза были такими человеческими, уставшими... У неё отняли всё, но, умирая, она словно обретала долгожданное, выстраданное умиротворение.

Момент святости грубо оборвал отец. Он бесцеремонно отшвырнул тушу хищницы в сторону, приподнял её над снегом и принялся деловито осматривать: прощупывал плотность меха, забираясь пальцами в пасть, оценивая состояние зубов.

— Хороший улов. Поздравляю, Эмма, это твое первое настоящее убийство!

«Да. Это была первая фраза, которую выдал из себя мой отец после того, как его единственную дочь едва не загрыз дикий зверь. Он не помог мне подняться, не спросил, цела ли я, как себя чувствую. В этом был весь Генрих Ларсен — такой же черствый, эмоционально кастрированный и бессердечный, каким был и его собственный отец».

Глаза застилали горячие слезы, но я упрямо сдерживала их. Я смотрела на безжизненную волчицу в его руках и отчетливо понимала: *«Мы похожи... Не знаю как, но мы с ней одинаково изранены».*

Закинув тяжелую тушу на плечо, отец размеренным шагом побрел в сторону дома. Вот так просто.

«*Мы такие разные с тобой...*» — едва слышно прошептала я, глядя на его удаляющийся камуфляжный силуэт.

— Эмма, ну ты там идешь? — донеслось издалека.

Это был единственный раз в моей жизни, когда мне было физически противно разделять мясо и заниматься препарированием. Я кожей чувствовала, что совершаю кошунство по отношению к ней, но, поднимая взгляд, видела, как искренне счастлив отец этому моему «крещению кровью», и продолжала резать. Не без его помощи чучело белой волчицы было завершено и водружено в моей спальне прямо рядом с её маленьким сыном.

— Ты большая молодец, — похлопав меня по плечу, отец вышел и плотно закрыл за собой дверь.

Только тогда я позволила плечам бессильно опуститься и медленно упала на колени перед их подиумом. Оставшись одна в звенящей тишине, я наконец дала волю рыданиям. Я неистово терла лицо ладонями, стараясь не издать ни единого звука, чтобы отец не услышал мою слабость. Я смотрела на застывших волка и волчицу, уносясь мыслями в их призрачный рай. Я представляла, как они наконец встретились там, где нет людей: счастливые, они резвятся на бесконечной солнечной поляне, мать бережно вылизывает его мягкую пушистую шерстку, на которой больше нет ни капли крови, ни дыры от пули, а малыш ласково трется о её морду своим мокрым, теплым носиком...

— Каким бы прекрасным был этот мир без человеческой жестокости... — прошептала я, теряя сознание от удушья в реальной, темной камере.

Глава 12

Глава 12

Сознание возвращалось медленно и неохотно. Всё это время я бредила, увязая в липкой ностальгии по прошлому. Прохладный ветерок и хлопья снега, чудившиеся в беспамятстве, оказались лишь иллюзией, вызванной мощными потоками инфразвука и выступившим на лице холодным потом. Но видение окончательно развеялось, и я очнулась.

Меня сильно мутило, тело била крупная дрожь. Пальцы до побелевших костяшек судорожно впились в края табурета. Поднялась высокая температура, рот иссушила невыносимая жажда, дыхание сбилось. Казалось, глухие стены камеры медленно сжимаются, а темнота вокруг таит в себе осязаемую опасность. В этом кошмаре только жесткое сиденье под согнутыми ногами оставалось моим единственным спасательным кругом.

Я полностью потеряла счет времени. Блеклого свечения лампы катастрофически не хватало — в полумраке едва угадывался силуэт собственных ладоней. Я сидела, низко опустив голову и крепко обхватив руками прижатые к груди колени. Поза была крайне неудобной: легкие сдавило, дышать становилось всё труднее, но именно это неестественное положение парадоксальным образом приносило мысленное успокоение. Легкое удушье дарило резкий выброс адреналина, заставляя мозг цепляться за реальность.

Некоторое время спустя меня накрыло новое осознание, от которого кровь стыла в жилах: я оглохла. Наступившая абсолютная тишина парализовала страхом. Я поняла это, когда попыталась сменить позу, но не услышала привычного шуршания одежды и скрипа дерева. В панике я закричала, срывая связки:

— Хельвед!

Это имя — первое, что вспыхнуло в затуманенном разуме. В глубине души я всё еще по-детски надеялась на волшебное спасение, но реальность оставалась глуха и жестока.

— Мама, папа... Кто-нибудь! Помогите!

Я не слышала собственного голоса. Виски и уши сдавило колоссальным давлением, голова налилась свинцовой тяжестью, словно меня швырнули под толщу воды на огромную глубину. Я точно знала, что говорю, ведь мои губы двигались, а челюсть послушно открывалась, но совершенно не осознавала, с какой громкостью и интонацией произношу слова. Я была заперта в беззвучном вакууме, где фразы формировались лишь внутри черепной коробки, и именно это утасующее подсознание оставалось моей последней нитью к рассудку.

Я сидела, уткнувшись лицом в колени, и остро ощущала себя ничтожной, беспомощной куклой. Всю сознательную жизнь меня держали взаперти. Родители искусно создавали видимость того, что я свободна и принадлежу самой себе, но на самом деле это было лишь красивым синонимом вынужденного одиночества. Я росла в золотой клетке. Отец с матерью искренне не понимали моих жалоб и меланхолии, ведь у нас был роскошный дом, и я имела всё, что только могла пожелать, по крайней мере, в материальном плане. Но в этом и крылся мой личный ад. Меня окружали исключительно неодушевленные, холодные предметы. Мне катастрофически не хватало живого человеческого общения, я медленно разучивалась испытывать искренние эмоции, а позже некоторые важные качества личности и вовсе атрофировались за ненадобностью...

Я так неистово молила небо, чтобы этот затянувшийся затворнический кошмар закончился! Мечтала оказаться среди сверстников, завести настоящих друзей, обрести первую любовь... И вот итог: я действительно заперта здесь, среди одногодок, как и хотела. Я даже успела познакомиться с Бети. Но какой, боже, какой чудовищной ценой...

Приподняв тяжелую голову, я принялась всматриваться в густую темень. Холодный пот ледяными дорожками скатывался по спине и груди. Соображать становилось всё труднее,

мысли путались и рассыпались на бессвязные фрагменты, а грудную клетку вновь тисками сдавил липкий ужас.

Вдруг в беззвучном пространстве комнаты раздался отчетливый, резкий звук.

«Я... Я снова слышу?!»

Шум повторялся с пугающей, размеренной очередностью. Он до боли напоминал скрежет острых когтей по бетону — отвратительный, скребущий и совершенно нереальный для этого стерильного места.

Глаза, давно привыкшие к полумраку, судорожно искали источник шороха. Я медленно опустила взгляд вниз и оцепенела...

Прямо у моих ног находилось странное существо, сплошь покрытое грязной, свалывшейся шерстью. Размерами оно едва достигало десятилетнего ребенка. Почувствовав на себе мой пристальный взгляд, тварь зашевелилась и сквозь прорехи в густом меху приоткрыла подбие глаз. Они были огромными, величиной с чайное блюдце, и зловеще светились в темноте тусклым фосфорическим светом. Эти бельма напоминали зрачки абсолютно слепого человека, затянутые плотной, мертво-белой пленкой.

Сердце пустилось в безумный галоп, готовое пробить ребра. Мозг отказывался понимать, что происходит, конечности онемели. Я могла лишь завороченно смотреть на этот кошмар. Путь к отступлению не было: весь пол вокруг табурета по-прежнему находился под смертельно опасным высоким напряжением, вот только эту тварь электрические разряды почему-то совершенно не трогали.

Из-за отсутствия зрачков было невозможно разобрать, куда именно направлен её мертвый взор, но шестое чувство подсказывало — она смотрит прямо мне в душу.

Некоторое время чудовище не шевелилось, продолжая гипнотизировать меня своими жуткими блюдцами. Странно, но даже в крошечной тьме я отчетливо видела контуры его уродливого тела, словно от шерсти исходила слабая, едва уловимая неоновая аура, подсвечивающая силуэт.

Оно не уходило, но и не делало попыток приблизиться. Постепенно, поддавшись этому оцепенению, я даже начала немного успокаиваться, и сковывающий страх уступил место большому профессиональному любопытству таксидермиста.

Однако с каждой минутой удерживать фокус внимания становилось невыносимо трудно. Сказались дикая усталость, стресс и многочасовая бессонница. В какой-то момент веки отяжелели, и я ненадолго прикрыла глаза. А открыла их вновь только от резкой, пронизывающей боли.

Тварь была вплотную. Она яростно полосовала мои обнаженные ноги. Из-под густого подшерстка высунулись скрытые до этого момента маленькие, сморщенные ручки с четырьмя суставчатыми пальцами, увенчанными острыми загнутыми лезвиями. Я истошно, до хрипа закричала, но в ушах по-прежнему царила мертвая тишина — я снова не слышала себя. Чего нельзя было сказать об этом выродке. Совершенно не реагируя на мои крики и попытки отпихнуть его, существо лишь уродливо оскалилось. Шерсть на его продолговатом, вытянутом черепе плавно разошлась в стороны, точно театральные кулисы, обнажая пасть. Его зубы не имели ничего общего с челюстями известных науке хищников: это были идеально ровные, часто посаженные и остро выточенные треугольники из пожелтевшей кости. Зловещая, безумная улыбка растянулась во всю ширину морды, делая его похожим на inferнального Чеширского кота.

Напоследок одарив меня этим оскалом, монстр резко отдернул лапы и с оглушительным, тяжелым грохотом бросился под табурет. Мне показалось, что намертво прикрученные к полу металлические ножки ходили ходуном под весом этого создания, невзирая на то, что сверху сидела я.

И всё стихло. Вновь воцарился беззвучный покой. Пересилив тошнотворный страх, я низко согнулась, рискуя потерять равновесие, и заглянула под сиденье. Там было пусто. Я лихорадочно осмотрела каждый угол тесной камеры в поисках малейшего движения, но обстановка оставалась неподвижной и мертвой. Я пребывала в полном замешательстве, не понимая, что это было — изошренная галлюцинация воспаленного ума или осязаемая реальность.

Приняв исходное положение, я надолго погрузилась в тяжелые думы. Нижняя губа мелко подрагивала, зрачки расширились от выброса гормонов. Я принялась судорожно переплетать забинтованные пальцы, намеренно надавливая на свежие ожоги. Острая, пульсирующая боль от этих прикосновений парадоксальным образом возвращала мне рассудок, даря спасительное чувство реальности.

Я не находила логических объяснений происходящему. Включилась защитная стадия отрицания, которая заставила мой мозг поверить в самые худшие теории: что я нахожусь не просто в каком-то фильтрационном лагере, а в секретной экспериментальной лаборатории, в чьих стенах и появилось на свет это генетическое чудовище. Но интуиция подсказывала — что-то в этих рассуждениях в корне неверно...

Между тем темнота вокруг продолжала стремительно сгущаться. Поначалу мне почудилось, что лампа под потолком просто барахлит, но реальность оказалась хуже — источник света с равными интервалами неумолимо терял свою мощность, погружая комнату в крошечный мрак.

К горлу подступил удушливый, ледящий комок. Начиналась паническая атака.

Я слишком хорошо помнила свой первый раз. Это случилось дома, глубокой ночью. Я допоздна читала книгу втайне от бдительных родителей — точнее, уже перелистывала последние страницы. Роман был в жанре суровой антиутопии, но финал оказался нетривиальным, оборванным на полуслове, словно требующим обязательного продолжения и раскрытия покалеченных судеб героев.

Когда я закрыла переплет и собралась лечь спать, в густой темноте спальни, под влиянием роящихся в голове тревожных мыслей, меня внезапно настиг первобытный ужас. Он ворвался в сознание так стремительно и мощно, что я не успела выставить ментальный щит. Легкие сковало, я начала задыхаться, из глаз непроизвольно хлынули горячие слезы. Ломая ногти, я распахнула окно и долго сидела на подоконнике, жадно глотая прохладный ночной воздух, мочила кусок ткани ледяной водой и иступленно протирала лицо. В тот миг мне искренне казалось, что я умираю. Было невыносимо страшно.

Поняв, что удушье не проходит, я принялась наощупь пробираться на кухню, где в одном из верхних шкафов пряталась семейная аптечка. В обычной жизни я всеми силами избегала приема любых медикаментов, свято веря, что молодой организм и сильный иммунитет обязаны самостоятельно справляться с любым недугом. Я не пила банальное обезболивающее, а уж тем более психотропные или успокоительные средства, но сейчас шла именно за ними.

Холодный свет луны блекло освещал мой путь. Я бесшумно раздвинула тяжелые шторы на кухне. Заветный шкафчик примыкал к боковой стене прямо возле оконного проема. Лекарств внутри оказалось огромное количество: блистеры и коробки были разбросаны в хаотичном беспорядке, и скудного лунного сияния явно не хватало, чтобы разобрать мелкий шрифт показаний к применению или названий на упаковках.

Стойко вынося эту внутреннюю агонию, я перерыла полки и отправилась к другому стеллажу, где хранился маленький ручной фонарик. Но удача отвернулась от меня: батарейки внутри почти полностью разрядились, и прибор светил тускло, с постоянными перебоями. Как мне удалось идентифицировать два блистера с известными названиями сильных седативных средств. Однако профессиональная дотошность побудила меня досконально изучить аннотацию, и единственное, что я в панике не смогла разобрать в мерцающих лучах — это точную

дозировку. Боясь сделать себе только хуже и вызвать опасную передозировку, я дрожащими руками извлекла и выпила всего одну капсулу.

Мне никогда в жизни не было так плохо. Я едва сумела проглотить несчастную таблетку из-за вставшего поперек горла спасительного кома. Тот приступ длился долгие, мучительные тридцать минут. Всё это время я действовала в абсолютном одиночестве, отчаянно стараясь не разбудить родителей и не показаться слабой. Так прошла моя первая паническая атака.

На моей памяти за всю жизнь я пережила всего две такие вспышки. Сейчас, в этой проклятой камере, неумолимо начиналась третья. Симптомы были идентичными, страхи — такими же глубокими, но привыкнуть к этому адскому чувству беспомощности было невозможно...